ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ТИМОФЕЙ ИВАНОВ

АКСИНЬЯ, его жена

ВАСИЛИЙ, их сын

АЛЁНА, их умершая в детстве дочь

ЕГОРОВНА, старуха-соседка

ДЕД АЛЁШКА, её супруг

ДМИТРИЙ, сотрудник областного краеведческого музея

АВДЕЕНКО Афанасий Григорьевич, председатель сельсовета

ЗАВОДСКОЙ, он же Николай Савин, паромщик

БЕЛЕНЬКИЙ Виталий Самуилович, работник областной рыбоохраны

КРОХАЛЁВ Павел Николаевич, местный рыбинспектор

КАТЕРИНА, его жена

МАРИЯ, продавщица сельмага

ПЕННЕР Пётр Германович, врач сельской больницы

ЛОГУНОВ, следователь

СУДЬЯ и двое народных заседателей

СТОЛПОВСКИХ, адвокат Иванова

Райцентровские:

СЕКРЕТАРЬ СУДА

ПЕРВЫЙ МУЖИК

ВТОРОЙ МУЖИК

СЕКРЕТАРША

ГРИШАНЬКИНА, заведующая районной гостиницей

Односельчане Иванова:

СТАРИК

МУЖИК

ВАСЮКОВ

НИКУЛЬШИН

РЕВНИВЫЙ

РЫЖИЙ (Окунишников)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Начало восьмидесятых годов. Бывшая станица по реке Урал.

Сельский двор Ивановых, раннее, ещё в сутеми, летнее утро. Сзади, за сараем и раздёрганными кленовыми верхушками, виден силуэт церкви с порушенным куполом. Тревожная трель полевых сверчков-цикад, которой начинается картина, спадает, отдаляется. Из сенцев дома выходит Аксинья, одетая на староказачий манер; что-то неуловимо девичье сохранилось в ней, статность ещё можно принять за стройность, бабью неторопливость — за девичью ленцу. Берёт подойник, уходит в сарай. Немного погодя появляется из дома Иванов, лет под пятьдесят, закуривает, достаёт из-под застрехи сарая связку из удочек, банку с червями, выносит совок отрубей — словом, собирается на рыбалку. С полным подойником выходит из сарая Аксинья.

АКСИНЬЯ: Ты глянь-ка — наладился... Совсем он, гляжу, с Васькой избаловался, к рыбалке припал. Ну, у него-то каникулы были — а ты?! К Угорам бы лучше съездил, косой помахал, чем лягушек по берегам пугать...

ИВАНОВ (нехотя): Лето нас балует... господь бог.

АКСИНЬЯ: Ну, мужичьё — всё на засуху эту готовы свалить... В глотке у вас засуха, вот где... ни конца ей там, ни краю!

ИВАНОВ: Здрасте, а я-то с какого тут боку? Забыл уж, как она пахнет.

АКСИНЬЯ (цедит молоко, видно, что ворчит она просто так, поскольку к слову пришлось): Забыл? А маёвка?

ИВАНОВ (насмешливо): А что — маёвка? Кто кого домой вёл, вспомни? От кавалеров отбил и увёл, а ты ещё песняка пыталась...

АКСИНЬЯ (ничуть не смутившись): Разок в году и бабам можно.

ИВАНОВ (не понять, шутит он или нет): За другой разок возьму вожжи да по гладкой-то...

АКСИНЬЯ (насторожившись): У нас их нету...

ИВАНОВ: С колхозу принесу — ременные.

АКСИНЬЯ: Ох и муженёк строгай... скажи — казак! (Легонько виснет, подойдя сзади, у него на плечах.) Откеда что берётся...

ИВАНОВ: А что ж, всё вашей казаре, что ли? Бьют вас, бьют, никак всё гордыню не собьют.

АКСИНЬЯ: А как дед Алёшка говорит? Оттого это, что свободными родились.

ИВАНОВ: От чего свободными — от жизни? (Аксинья не знает, что ответить.) Вот то-то...

АКСИНЬЯ: А у вас, мужичья сиволапого, век её не было, гордости.

ИВАНОВ: Не было — и не надо, жизню этим всё равно не переможешь.

АКСИНЬЯ: А чем переможешь?

ИВАНОВ: Если б знал — сказал... Чем ты ни хошь, тока не гордостью. Уж лучше смирным век прожить, всё другим вреда меньше.

АКСИНЬЯ: У вас, у лаптей, на всё одна отговорка: терпи да молчи... (Смеётся.) То-то я тебя обратала... как телка повела. Плечищи под три мешка, а теля телей был.

ИВАНОВ: Ну, так чем же гордиться, ежели теля. Обратала она... небось, до смерти боялась, что перехватят. Вас тогда, после войны, как травы наросло, в каждый дом зазывали, — а женихов? Я да Егор Ампилогов, покойник, да Никулышин ещё... Побегала, повыглядывала меня по задам — Егоровна мне ещё тогда сказала... что, нет?

АКСИНЬЯ: Так ежели ты по задам ходил, куста боялся...

ИВАНОВ (надевает бессменные кирзачи): Боялся, не боялся — не тебе знать. «Обороть...» Ты выбирала, а я, выходит, не выбирал, да?

АКСИНЬЯ: Да уж выбрал... на одиннадцать аж лет моложе. Губа не дура.

ИВАНОВ (встаёт, пробует, хорошо ли обулся): А это чтоб глупей себя не искала.

Дёрнув плечиком, Аксинья демонстративно высыпает отруби из совка в ведро с пойлом для коровы, взбалтывает его палкой.

ИВАНОВ: Э, э... куда?!

АКСИНЬЯ: Туда! Обойдётся твоя рыба. Тут не знаешь, чем корову правдать, а он со своей рыбалкой... Ну, сам, чай, скотине в глаза будешь глядеть, зимой-то. Вспомнишь тады про рыбу.

ИВАНОВ (усмехнувшись): Ну, злыдня... Ладно тебе.

АКСИНЬЯ: Не ладно! Ты лучше скажи, что с Васькой делать будем?

ИВАНОВ: С Василием? А что с ним делать надо? Парень как парень. Сэпэтэу свою кончит, а там, глядишь, в армию...

АКСИНЬЯ: А потом? Люди вон своих в города выталкивают — а мы? Что ж он, так и будет

здесь на тракторе — дураком широкого профиля, как его отец?! (Иванов смеётся.) Чего лыбишься?! Полозиете там на своих полях — ни денег, ни чести, одна пыль на морде, а нам ваши туфайки мазутные отмачивай... не-е, я своё дитё на такую посмешищу не пущу!

ИВАНОВ (вяло, в полушутку): Как это — чести нет? В газетах тока и видишь: «хлебороб», то да сё...

АКСИНЬЯ: А в спину смеются. Расселись вон в конторах, бумажки со стола на стол носют и рады, что дураки пока не перевелись, упираются за них... Ты вон неделю посевы прикатывал, как анчутка приходил, на бровях аж лохмушки висели — а сколько получил? Рупь семьдесят на день! А им, в холодке, по трёшке да пятёрке, им воду — и ту Нюшка носит, уборщица... Ить смеются!

ИВАНОВ (со вздохом): Смеются... Так сами ж сеяли, если не прикатать — что там вырастет? Хрен да маленько? Свой труд жалко, вроде того...

АКСИНЬЯ: Во-во! Сами пахали, сами сеяли... А я не хочу, чтоб над моим сынком всю жизню смеялись! Над нами измывались как хотели, жилы вытягивали — ладно... хочешь, чтоб и над ним?! Вон пусть в город, хоть в общежитию, хоть на квартиру: отработал часы — и ходи человеком. Там хоть платят. К свату, на машзавод. Или в этот, как его... Газ... Газпром. Там трактористы тоже нужны, сват сказывал.

ИВАНОВ: Ну, ему ещё окончить надо, не шуми. Да и как такую соплю в город пускать? Там такие алыхари есть, в дружки затешутся... Что получишь? После армии ещё куда ни шло...

АКСИНЬЯ: Вот и поговори с таким... Николи с тобой не поговоришь путём, сразу отговорки. Не-ет, видно, так и есть оно: мать — овца, да лучше отца... И тот тоже: что ни спросишь, на всё — «нормально...» Оба мужики, и потужить не с кем... (Горестно.) И где ж ты там, доча моя ненаглядная... Ить уж шестнадцать лет, как нету, а...

Откуда-то возникает еле слышимая поначалу трель полевых сверчков-цикад — тревожная, будто предупреждающая.

ИВАНОВ (грубо): Ладно-ладно... завела она. (Глядит на небо, определяясь по времени.)

АКСИНЬЯ: Да-к опять вчера явилась во сне... я уж тебе не стала сказывать, тебе ить ничего не скажи. Стала так — и ка-быть большая уже наша Олёнка, вроде лет как двадцать... стала и спрашивает: а Вася где? А мне как запамятовало, не знаю, что сказать. А папаня где, спрашивает? А я так ничо и... не могу сказать, и всё тут. А тут вроде как вы появились; а она увидела, посмотрела так и говорит: ну, слава Богу, все здеся... А я вот всё думаю: Василий-то её уж не застал — а вот знает она его, спрашивает...

ИВАНОВ: Ох, бабы... сами глупы, да ещё других норовите заморочить.

АКСИНЬЯ: Да-к ежли сон такой? Я его не выбирала.

Слышно мычание, отдалённый щелчок пастушьего кнута.

ИВАНОВ: Выгоняй корову, нечего болтать. (Берёт удочки, полведёрник, направляется к выходу.) А я пошёл.

АКСИНЬЯ: Иди, иди... (Вдогонку.) А вожжей на баб у нас, милёнок, николи не водилось!..

Картина вторая

Травянистый берег Урала, вдали виден противоположный, лесистый. Утро на исходе, начинается день. Иванов, сидя под бережком спиной к зрителям, сматывает удочки, собирается домой. Из-под берега доносится иногда плеск, журчанье невидимой воды.

Слышен хруст пересохшей травы, появляется Заводской — невысокий, рябой, лет шестидесяти пяти, одетый по-рыбацки, через плечо у него отмокревшая полотняная сумка с рыбой.

ЗАВОДСКОЙ: А-а, тут вон кто... Здоров был, землячок! (Иванов кивает.) Знаю, знаю — святое местечко... (Заглядывает под берег.) Как, удружил водяной?

ИВАНОВ: Да так... пару сазанишек.

ЗАВОДСКОЙ: И то хлеб. А я тут, понимаешь, морды-верши глядел свои... чуток не искупался. Не молоденький уже — зябко, едрит-твою!.. (Садится, стаскивает резиновый сапог, развешивает портянку на кустике.) Сызмальства не знал я рыбалки: то на заводе чертоломил, то на шахтах... а там какой отдых?! С ребятами усядешься — и вдымоган, себя не помнишь... Милое дело — теперь! (Достаёт из карманов початую бутылку, хлеб, пару сушёных рыбёшек, кружку.) Вы, я гляжу, безработные нынче с этой засухой?

ИВАНОВ: Да сам видишь, подпалило, с апреля ни одного путёвого дождя. Уж посевы списывают.

ЗАВОДСКОЙ: А в колхозе всегда — то потоп, то засуха... А теперь слушай сюда, Тимох: выпей со мной за компанию, а?! Чтоб ерши поершистей ловились!

ИВАНОВ (оглядывается, с некоторой неловкостью): Да вроде б ни к чему... Разве что от безделья отдохнуть...

ЗАВОДСКОЙ: Вот-вот... держи-ка! (Пьют по очереди.) А я тебе так скажу, что нынче можно в любом сословии жить, в самом распоследнем даже. Нищим — и то сыт и одет будешь. Потому что сам народ наелся наконец, хлебом вот этим уже свиней кормит...

ИВАНОВ: Что ж, пора уж — заслужили, заработали...

ЗАВОДСКОЙ: Да заслужили-то побольше, не всё ещё своё взяли... ну, а когда наш русский брать умел?! Всё только с него самого — «давай-давай»! А он ведь простодыра, всякому верит. Наговорят ему, нашепчут, он ворота

растворит, шапку оземь — пропадай, пошла-поехала!.. А всё потому, что жить не умеет, этим и пользуются. Жить-то не умеет.

ИВАНОВ: Ишь ты... Наука, конечно, трудная, не всем даётся... Ну, а ты сам — что, так уж и умеешь?

ЗАВОДСКОЙ: Я-то? И умею. Раньше не умел, дурачок, подбзыкивали — я и бежал... как же, с Кировского завода, егемон рабочего класса! А теперь умею, научила жизнь. Никакому там начальнику или толстосуму не позавидую — зачем?! Речи эти, прения-потения, как бы угодить, не прогадать... Как бы снизу не подсидели да сверху не поддели... А я сердцем спокоен, мне на весь этот тарарам навалить побольше... для дураков он, тарарам! Я почему к вам пристал, в Кузьминовку? Потому что жить тут можно. Баба с хатой нашлась, река не слишком травленная, место весёлое — чего не жить?! Паромишко у меня ходкий, катаюсь себе с берега на берег, дышу, форму поддерживаю. Деньги? Рыбку наловил, загнал, вот те и деньги. Ну, а этой (постучал пальцем по бутылке) бровастый нам припас — пить не перепить...

ИВАНОВ: Да уж, обеспечил...

ЗАВОДСКОЙ: Ну вот. Скажут: «запретить!» — на прикол стану, не скажут — опять Заводской будет людей добрых (усмехнулся) и недобрых доставлять, куда им надо... (Поднял палец.) Филосо-офия! Это понять надо. Весь свой век я маленьким человеком прожил; а спроси, хочу ли наверх? И я тебе скажу — нет! (Наливает, подаёт Иванову.) Никто меня не теребит, в глаза не колет, не материт впотаях, что я кому-то жизнь замордовал — любота! Совести моей не хватит, что в начальниках ходить!

ИВАНОВ: Совести-то? (Вздохнул.) Совести там много требуется, эт-ты верно. И пониманья тоже. Как-никак, люди под ними ходят, живые: чуть не так повернулся — и, глядишь, раздавил... Не, дело опасное. Ну, они тоже, чай, смотрят сейчас... не по-людски им тоже надоело жить — сколько можно? Да и рухается всё, на что ни глянь, — когда не по-людски-то... Тут зачешешься.

ЗАВОДСКОЙ (глядит изумлённо): Да ты, брат, шутник, я гляжу... С чего ты шутить-то взялся, не пойму?

ИВАНОВ (не понимает): Как — шутить? Я не шучу. Я что вижу, то и говорю.

ЗАВОДСКОЙ: Много ж ты видишь... (Не выдерживает.) Ну и р-разумники вы тут все... пни колхозные, ей-богу, — хошь обижайся, хошь нет! Это они-то зачесались?! Они смотрят?! (С издёвкой.) Да-а, поумнел народец... Не для того они всю житуху эту распрекрасную себе устраивали, чтоб... это... для тебя переделывать теперь — не для того! Не скажу, как на самом верху, а эти — точно!.. Да ты иль забыл, как жили? Иль

больно хорошо теперь живёшь, что защищаешь?! Эх ты-ы!..

ИВАНОВ: Ну ты меня не принижай давай, мне не ругачки — мне правда нужна. Ещё чего — их защищать. Они и на мне поездили, до сих пор едут... в светлое будущее. Не забыл. Нехорошо мы жили, я ничего не говорю; так ить и времена какие были, спомни: и отбиваться надо было, и народ поворачивать... поверни, когда у него морда в другу сторону смотрит! Тебя вот со мной — поверни!

ЗАВОДСКОЙ: Вот-вот... доповорачивались! А зачем? Я, может, не хочу — меня кто спросил?! Наманули, семь шкур содрали — а куда завели?!

ИВАНОВ (не очень уверенно): Да-к были причины... Народ бы зря на такое дело не стронулся... (Уверенней.) Не, пустяком народ не сдвинешь. Ну а делали всё живые люди, не от большого ума... Не, все мы виноваты, что так получилось. Все, от мала до велика.

ЗАВОДСКОЙ: Ишь ты, добренький он какой — «все»!.. А я вот ни добрым не хочу быть, ни виноватым — при чём тут я?! Мало, что ль, вкалывал я, гробился, по землянухам сырым... это... пролетарствовал — а что я с этого имею? Да ни хрена, как не работал. А я ведь и целину покорял, и где только не был...

ИВАНОВ (равнодушно): Ну ты б не пил, не гулял по всей Рассее... жил бы как люди. Хоть на той же целине, раз занесло. Другие вон, глядишь, и обстроились, и обжились...

ЗАВОДСКОЙ: А что они мне, другие? Бездельников этих кормят, а сами от зарплаты до зарплаты, внатяжку... Кого-кого, а меня этим не убаюкаешь, дудки, я жизнь прожил.

ИВАНОВ: А я, по-твоему, проплясал? Чай на веранде пил? Нет, брат Николай, из одной мы чашки хлебали...

ЗАВОДСКОЙ (подхватывает): ...из одного стакана и пьём! (Смеётся.) А-а, да ладно... Хрен с ними, нам оно всё равно, что там делается. На то там люди сидят, а мы с ними, брат ты мой, не в паях. Потому что в разных странах живём: мы с тобой — заложники коммунизма в России, а они — в эсэсэр... вот так! Чуешь разницу?! Ладно, тяни давай! (Следит, как Иванов пьёт.) Есть, есть у нас утешительница... Так они что могут дать, кроме неё?! (С хитрецой.) Знаешь слово такое — оптимизм? Ну, смысл его?

ИВАНОВ: Да вроде знаю...

ЗАВОДСКОЙ (обувается): Так вот, один кореш мой, это когда ещё в Челябе я работал, говорить любил: бойся оптимистов, ибо их оптимизм, скорей всего, за твой счёт... Так-то! (Наливает себе, пьёт.) Вроде шутка, а смысл... не-ет, смысл есть! Подумай. (Встаёт.) Ну, вот и посидели. К корыту своему пора, а то скоро клиенты мои пойдут-поедут...

ИВАНОВ: Да всяк из нас по-своему думает...

ЗАВОДСКОЙ: А всё равно — подумай... (Заглядывает под берег, уходит.)

Иванов закуривает, задумчиво смотрит на реку. Говорит: «Н-да...», спускается под берег за оставшейся удочкой.

ИВАНОВ: Ладно, и нам пора... (Пробует поднять удочку, но крючок за что-то зацепился в воде.) Вот чёрт... надо ить! Теченьем, что ли, занесло? (Пытается отцепить, заходит и так, и эдак.) Рвать? (Задумывается, глядит вниз; потом вдруг что-то замечает, нагибается.) Во-он оно что... верша вроде? (Тянет, разгибается, в руках у него натянутый, уходящий другим концом в воду, шнур.) Чужа снасть как чужа жена... (Раздумывает, несколько опьянело трёт лицо, оглядывается.) Перетяг, точно... ч-чёрт! Поставил себе рыбачок и спит, а мне... Ну нет, милок, своя снасть дороже. (Тянет, тетива перетяга режет пальцы.) Да что за груз там у него — полцентнера? Ага, вот... (Отцепляет от тетивы свой крючок, бросает удочку на берег, опять останавливается.)

Наступает момент, когда решается всё. Перебивая звуки утра, возникает всё та же томительная, будто предупреждающая трель ночных цикад. Иванов колеблется, но что-то привлекает его там, в воде, — и он начинает перебирать, подтягивать тетиву перетяга.

ИВАНОВ: Поставил и дрыхнет, рыбачок... (Вдруг настораживается, почувствовав что-то на перетяге; смотрит вверх по реке, вниз, оглядывается. На одном из крючков перетяга болтается щурёнок, но Иванов уже не обращает внимания на такую мелочь.) Так-так... посмотрим! А ты спи давай... десятые сны доглядывай, р-рыбачок! Та-ак... Ого! (Возится под берегом, выпрямляется, в руках у него осётр килограмма на два-три. Иванов скидывает с себя механизаторскую куртку, закатывает в неё осетра; облегчённо вытирает пот, оглядывается.) Ни хрена себе — добыча!.. Ну, закинуть теперь... (Наспех сматывает третью удочку, затем начинает распутывать под берегом перетяг.) А, ч-чёрт!..

КРОХАЛЁВ (за сценой): Вот-вот... вы это правильно, я им сам не верю: тока и глядят... По мне, так бы и вовсе запретить... Ага, вон ещё один сидит. Ну, это береговушник...

Иванов замирает, затем лихорадочно сбрасывает перетяг под обрывчик, заталкивает ногой. Входят Крохалёв и Беленький. На Крохалёве плащ, рыбнадзоровская фуражка, в руке кирзовый планшет. На Беленьком приличный костюм, шляпа; лицо его заспано, недовольно.

КРОХАЛЁВ: Та-ак... Сидим?

ИВАНОВ: Да вот... Здоровы были.

КРОХАЛЁВ (хозяйски): Здоровы, здоровы, милок... слава Богу. Мы-то здоровы, а вот ты

как тут... Балуешь небось, мать твою так?! (Мельком глянул на разбросанное по берегу хозяйство Иванова.) Что молчишь — язык отсох?

ИВАНОВ (сдерживаясь): Почему это — балую. Так... закидушку глядел.

КРОХАЛЁВ: Какую закидушку, чью?

ИВАНОВ: Свою, конечно.

КРОХАЛЁВ: Закидушку он глядел... На десять хвостов, небось, твоя закидушка? Смотри у меня, увижу ещё раз — прощайся со своей закидушкой, парень. (Шарит уже глазами по противоположному берегу, дальше по реке.) Поймал что?

ИВАНОВ (облегчённо): Да сазанишек пару, не больно клевало...

Беленький, похлопывая прутиком по ноге, наблюдает за ними. Потом всходит на самый обрывчик, тоже осматривается по реке. Всё с тем же брюзгливо-заспанным выражением на лице смотрит сверху на Иванова, замечает у него под ногами перетяг.

БЕЛЕНЬКИЙ: А что за шнуры там лежат... что это?

КРОХАЛЁВ (встревоженно): Где? Закидушка, нет? Ну-ка... (Подбегает к обрывчику, смотрит, лицо его начинает багроветь.)

БЕЛЕНЬКИЙ (презрительно): «Закидушка...» Всё проверь! Мы тут, понимаешь, спим, а они... (Крохалёв спрыгивает под берег, поднимает спутанную снасть, злобно чертыхается.) Что там, в этой, как её... (Показывает пальцем на куртку.) В этой, э-э, одежде?

ИВАНОВ (шагнул вперёд, растерянно): Да-к что там может быть...

Крохалёв опережает его, хватает за полу куртки, подымает, и рыба тяжело вываливается на траву. Она уже снулая, не шевелится. Все смотрят на неё, Иванов, крякнув, лезет за папиросами.

БЕЛЕНЬКИЙ (сам не ожидавший такого): Н-да... (Помолчав.) Вот так оно всегда и бывает... Что ж, составляйте, товарищ Крохалёв, акт.

КРОХАЛЁВ (открывает планшет, руки у него трясутся): Счас... Сейчас я ему составлю актец... Гады! Как знал, что подведут под... Говори фамилию, сукин сын!

ИВАНОВ (вздрагивает): Кто... сукин сын? (Отбрасывает папироску.) Это кто — я?!

КРОХАЛЁВ (угрожающе): Говори фамилью! Ерепенится он ещё... Ты думаешь, я не знаю, кто ты?! Знаю!

ИВАНОВ (делает шаг к нему): Так я, по тебе выходит, сукин сын? И ты что ж, мать мою... на цепи держал?! (Сгрёб его за грудки, притянул.) А ты воды холодной уральской... ты не пробовал, доглядчик?!

КРОХАЛЁВ (хватает его за руки, хрипит): Брось! Брось, дурак... сядешь! (Потеряв самообладанье, бьёт Иванова кулаком в бок.)

Иванов, взбешённый, дёргает его на себя и толкает в воду.

Но Крохалёв всё же умудряется не упасть, лишь одной ногой попадает в воду, слышен её плеск; выбирается на берег. Иванов поднимает чугунную шестерню-грузило, собираясь забросить перетяг назад, в воду.

КРОХАЛЁВ (отдуваясь, но голосом неожиданно спокойным): Ку-уда! (Иванов приостанавливается.) Перетяг ты нам, дружок, оставишь... Это нам как весчественное доказательство. Ты думал, с тобою шутки шутют?

ИВАНОВ (глухо): Сам вынул, сам и поставлю, ты тут не лезь... Не моя снасть, пусть ею хозяин распоряжается.

КРОХАЛЁВ: Вон оно как — уже и не твоя!.. Я не я, значит, и жопа не моя, да?! Дуракам говори, а мы эти штуки знаем. (Оглядывает мокрые, измазанные в глине ноги.) Сапоги вот эти истопчу, где надо, но тебя, сука, засажу... Мы вам тут шорох наведём!

ИВАНОВ: Ну-ка, отойди, делопут... не ровён час — зацеплю. А законом меня нечего пугать, законы у нас правильные...

Крохалёв поспешно отступает, и Иванов, коротко размахнувшись, швыряет шестерню, слышится глухой всплеск, шлепок тетивы о воду.

КРОХАЛЁВ (злорадно): Зря старался, это тебе не поможет теперь. (Подходит, останавливается над рыбой.) Осетринки ему захотелось... не про твои зубы она, осетрина. А вот уж сто шестьдесят третью статью — это как бог свят, уж это я тебе обещаю. Так сам с нами пойдёшь иль участкового вызвать?

ИВАНОВ (вылезает наверх): Пошёл ты на хрен, делопут.

БЕЛЕНЬКИЙ (сначала явно струсивший, но понявший теперь, что опасаться нечего, с неудовольствием): Навоевались? (Останавливается против Иванова, смотрит.) А вы, приятель, подлежите сейчас аресту — вы это-то хоть знаете?..

ИВАНОВ (злость в нём борется с боязнью, тупо): Ничего я не знаю. Не мой перетяг, нечего на меня клепать...

БЕЛЕНЬКИЙ (оборачиваясь к инспектору, брезгливо): Да он, вдобавок, пьян. (Увидел бутылку, катнул её носком туфли.) Ага, да вот она... Ну ладно. Крохалёв, вытащи-ка этот, э-э... перетяг. И как они только умудряются... Где он живёт?

КРОХАЛЁВ: В селе, где ж ещё. Возле старых складов, я знаю. Иванов его фамилия, вспомнил.

БЕЛЕНЬКИЙ: Иванов-Петров-Сидоров? Ну, так если сам не подойдёт к сельсовету, то попросите участкового. Не хватало ещё драться с ним, упрашивать тем более — много чести... Видно, вольготно они себя тут чувствуют, если в открытую, у самого села осетра — государственную рыбу! — таскают...

Иванов молча собирает удочки, поднимает куртку с ведром, выходит на тропку.

КРОХАЛЁВ: В том-то и дело, что... Да не было такого, давно уж! А тут вот как назло... (Иванову, вдогонку.) Чтоб к десяти был в сельсовете... а то мы с тобой по-другому разговаривать начнём, слышишь?!

ИВАНОВ (сквозь зубы, тихо): Не ори... (Уходит.)

Картина третья

Часть одноэтажного зданьица сельсовета из силикатного кирпича, низенькое бетонное крылечко, палисадник с замороженными степной сухостью кустиками. Над входом выцветший транспарант: «Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь!». Часть транспаранта со словами «в жизнь!» полуоторвана и свесилась вниз. На переднем плане, у штакетника, длинная скамья. На скамье сидит небритый, в запущенной одежде старик — видно, из старичков-одиночек; сидит на протяжении всей картины, глядя под ноги и мало на что обращая внимание, одну за одной курит самодельные махорочные цигарки; кажется, что свёртывать их — единственная его забота.

Входит Иванов — видно, что он уже побывал дома, вместо куртки на нём мятый дешёвый пиджачок. Проходит в сельсовет, но почти тут же возвращается.

ИВАНОВ (старику): А что председатель — не был ещё?

СТАРИК (поднял голову, не сразу): Грозился подойтить.

Иванов бесцельно оглядывается, топчется, садится. Но тут же встаёт, ходит. Мимо сельсовета идёт Аксинья, в руках у неё авоська с парой буханок хлеба и каким-то кульком — из магазина. Замечает мужа первой.

АКСИНЬЯ: Вон он где... А я думаю, куда эт мужик мой пропал — нету и нету. А он тута. Что такое?

ИВАНОВ (хмуро): Да надо тут... Ты в колхоз сёдня не ходи. Дома пополись, у самих весь огурешник зарос.

АКСИНЬЯ: Это почему?

ИВАНОВ: Не ходи... понадобиться можешь. Всех денег не заработаешь.

АКСИНЬЯ: А что эт ты такой? Как ударенный, глаз не подымаешь... Иль случилось что?

ИВАНОВ (раздражённо): Случилось, не случилось... Твоё дело малое, иди вон огурешник обиходь. Земля там, гляжу, в камень заклёкла...

Аксинья пожимает плечами, ещё раз смотрит на него, уходит. Из сельсовета лениво выходит правленческий шофёр Васюков — хлыщеватый, с наглыми глазами. За ним идут Никульшин и Ревнивый. Немного погодя с улицы к ним присоединяются, придя на разговор, ещё два мужика.

РЕВНИВЫЙ (продолжая разговор, Васюкову): Знаем,

знаем!.. А кто у Нюрки все завалинки пооббил, дрожжи просил — жена, мол, послала?! (Все останавливаются возле скамейки.) Она ему: нету, мол, все извела, а он: открой, Нюрок, есть у тебя, как не быть... Хоть, мол, поскрёбушки. Ну, с её дрожжей хоть кто припьянеет...

НИКУЛЬШИН: Так и что ж — дала?

Старик кхекает, беззвучно смеётся, мотая опущенной головой.

ВАСЮКОВ (ухмыляясь): Во брешут! Да там Киргизёнок днюет и ночует... вот пройда-то! Ни одной не пропустит, всяку ущипнёт. То за Валькой Ломакиной ударял, а надысь вон (оглядывается на Иванова) к Аксютке всё клеился, фуражку правил, цветок ей за пазуху совал... Не-е, ты не гляди, что он мухортенький... он бобыль, он себя сохранил!

Иванов злобно глядит на Васюкова, не зная, что сказать.

РЕВНИВЫЙ (Васюкову): Это тебе Сёмка-Киргизёнок дорожку перешёл, кривоногий, вот ты и злобишься.

ВАСЮКОВ (с усмешкой): Всех наших дорожек не перетопчешь...

ИВАНОВ (неприязненно): Что, жирок завязался лишний? Своих баб уже не хватает? Попрямить бы вам ноги...

ВАСЮКОВ (пожимает плечами): Шастают мужички, что ж... Этого дела не запретишь.

НИКУЛЬШИН: Не в мужиках дело — в бабах... Какая баба.

ВАСЮКОВ: Ну, не скажи... Их много вон честных ходит, баб, — а я знаю: это они потому честные, что мужик им под иху манеру ещё не попался. Вот они и ходят, гордятся.

РЕВНИВЫЙ: Под каку таку манеру?

ВАСЮКОВ: А у жены своей спроси, она те скажет... А лучше у полюбовника, ежли есть. Они в этом толк держат, всё тебе до ниточки раздеклешат, что и как...

РЕВНИВЫЙ (фальцетом): Ну, ты давай не заносись... знай меру! А то я подеклешу тебе! Я своей бабе верю, не то что ты.

ВАСЮКОВ (не обижаясь): Да ты обожди, не торопись хвалиться... что вот торопишься? Вон я как-то прочитал: умный хвалится детьми, а который поглупее — тот женой своей... Это ещё проверить надо. А я вот ни одной не верю. Я бабе верю, пока она со мной лежит; а как встала — всё, шабаш, хоть она христом-богом клянись!

РЕВНИВЫЙ: Господи, да ты-то сам какой? Тебе ль говорить?!.

ВАСЮКОВ: А какой такой, чем хуже тебя? Все мы одинаковы, все мясо едим.

С улицы появляется Авдеенко. Ступает он неспешно и солидно, солдатски грубоватое лицо его под военного покроя фуражкой исполнено собственного значения; при ходьбе опирается на подаренную ему в отставку

вычурную толстую трость. Сановито отдуваясь, здоровается со всеми за руку. Впрочем, Старика обходит, как обходят нечто неодушевлённое.

АВДЕЕНКО: Чего ждём?

НИКУЛЬШИН: А что бог с неба даст, нам всё равно. Кто дело сторожит, кто от дела бежит — всем место есть. Колхоз дело такое... добровольное.

РЕВНИВЫЙ (дурашливо): Ну! Кто ж в ём добровольно работает? За орден-то Сутулова?

Старик опять беззвучно смеётся, не подымая головы. Авдеенко недовольно оборачивается к Ревнивому.

АВДЕЕНКО: Эт-то то есть как?!

РЕВНИВЫЙ (разводит руками): Да как... всё как оно есть.

ВАСЮКОВ: Мы вот тут, Афанасий Григорич, про баб разговор завели — ты как?

АВДЕЕНКО (подстраиваясь): А что, я бы не против...

ВАСЮКОВ: Ну вот, теперь мы и мнению власти знаем. (Приобнимает сельсоветчика, заглядывает ему под козырёк.) Видно, никого она, мать-природа, не обделила, даже-ть начальство.

АВДЕЕНКО (снимает его руку с плеча): Ну-ну... Уж тебе-то она в полную меру отписала... Не панибратствуй, понимаешь. (Смотрит на полуоборвавшийся транспарант.) Ну сколько можно повторять?! Сколько талдычить, чтоб прибили?!

ВАСЮКОВ (нахально): Напиши, Афанасий Григорич, дневной наряд — прибью.

АВДЕЕНКО (несколько опешив): Как — дневной?

ВАСЮКОВ: Известно как — восемь часов... От сверхурочных тоже не откажусь.

Все оживляются, посмеиваются, Старик крутит головой, внятно хихикает. Авдеенко возмущённо крякает, глядя в наглые глаза Васюкова, и направляется к дверям сельсовета. Иванов идёт за ним.

Картина четвёртая

Кабинет Авдеенко. Портрет Андропова, книжный шкаф, в котором почти нет книг, одни брошюры и папки, телефон, ковровая дорожка, — порядок во всём образцовый.

АВДЕЕНКО (кивает, губы озабоченно поджаты): Ну-ну... дальше что? А он что сказал?

ИВАНОВ: А что он скажет... Тебя, говорит, арестовать надо. Участковым грозился.

АВДЕЕНКО: Нету сейчас участкового, в отъезде... Да-а, наворочал ты, парень, делов. Ну, не вышло у тебя с рыбкой — так зачем было за грудки хватать, усугублять, так сказать?

ИВАНОВ: Да он сам... это... обнаглел: изгалялся надо мной, обзывал, как какого-нибудь... Какой я ему сукин сын?

АВДЕЕНКО (в раздвоеньи): Возможно, он тоже не прав...

Обнаглел... Он при исполнении служебных обязанностей, в своём он прав... Чёрт знает, куда вас заносит... как дети все, ей-богу! (Хлопает по одной из папок на столе.) Одному вон чужие гуси спать спокойно не давали, получил этими... граблями по голове, а теперь вот ходит, стучится в инстанции... а этот осетрины захотел. Нагрешат, а потом ходят. (Достаёт из книжного шкафа сзади красный «Уголовный кодекс РСФСР», из кармашка — очки, водружает на нос, листает.) А нет бы — не грешить...

ИВАНОВ (с тревогой глядя на книгу): Ничего я, Афанасий Григорич, не захотел. Нужна она мне, эта осетрина... век жил без неё и дальше проживу. По нечайке вышло, сами видите. Я ж не вру.

АВДЕЕНКО: Эти ваши нечайки — они у меня вот где (стучит ребром ладошки по шее), ваши нечайки. А где у тебя доказательства? Докажи этому начальнику, что не твой он, этот перемёт... или перетяг, как он там у вас называется? Кто поручится? Я не поручусь. А здесь (приподымает книгу, словно показывая её, и снова осторожно кладя) — здесь записано в статье сто шестьдесят третьей уголовного кодекса РСФСР, что если ловил рыбу ценной породы, то получай до четырёх лет... Почитай-ка!

ИВАНОВ (подавленно): Да что читать... понятное дело. Это уж вы читайте, вам видней. Только я ж не вру, что не мой это перетяг, зачем я врать тут буду...

Опять возникают, сначала еле слышимые, и начинают усиливаться бредовые трели цикад — голос беды.

АВДЕЕНКО: Какая всем разница, врёшь ты иль не врёшь... ведь поймал? Поймал. И ладно бы — один он был, Крохалёв. Куда ни кинь, а к нашему сельсовету приписан, хоть и хуторский: поговорили бы, ну и замяли дело... Но тут начальник этот — сам говоришь, строгий. И мы фактически обязаны ему содействовать как советская власть.

ИВАНОВ: Так что ж теперь — посадют?..

АВДЕЕНКО: Ну, ну... сразу он — «посадют». Подожди тут. Погуляй пока, а как они подойдут, разбираться начнём. И первым делом кайся во всём, не перечь, на рожон не лезь... рыбачок. Иди. (Набирает какой-то трёхзначный номер телефона; свет в это время начинает мало-помалу гаснуть, звук цикад усиливается и под конец заглушает сходящий на нет голос Авдеенко.) Алё, Катя? Правление колхоза, я спрашиваю? (Громко, стараясь докричаться.) Катя, Сергей Николаевич у себя? Да-да... Как это — «вы бы пришли»... Ну и что, что двери рядом... мало ли что! Я официально, да... Пусть трубочку возьмёт. Сергей Николаич? Сергей Николаич, тут такое дело: человек мне нужен...

Выдели, а? Да тут этот... лозунг этот над входом — то гляди на голову упадёт. Прибить, да. Ну и ещё что-нибудь, работку найдём. Да уж неделя, как оторвался. А наряд будет. Будет, говорю... оплатим! А то, понимаешь, дискредитация получается, да... Позор, говорю, сплошной. А мы не должны упускать... Конечно. Ну да, конечно, если мы упустим, то... Вот именно. Вот я и говорю... (Звук уходит, свет гаснет.)

На просцениуме в пятне возникшего тусклого света Иванов. В тени на другом конце его виднеется Старик, всё так же согнувшийся на скамье, сосущий потухшую цигарку, изредка покачивающий головой; что-то тихо, невнятно бормочет иногда. Громкие стонущие трели цикад (но не на максимуме). Иванов стоит, опустив голову. Потом вздрагивает, будто очнувшись, начинает ходить — нервно, в ожидании весь; то и дело останавливается, шевелит губами, на лице растерянность и пробегающие отсветы, отголоски каких-то обрывочных мучительных мыслей. Подходит к стоящему на табуретке бачку с прикованной цепочкой алюминиевой кружкой, нацеживает, жадно пьёт, гремя цепочкой. И опять ходит, пятно света начинает гаснуть, цикады постепенно смолкают, а сквозь них всё слышней становится разговор в кабинете Авдеенко, понемногу усиливается, освещая кабинет, загорается общий свет.

ГОЛОС БЕЛЕНЬКОГО: ...А это, понимаете ли, совсем другое дело. Да, совсем другое! И мы здесь ни на что иное не пойдём — да, не согласимся!

ГОЛОС АВДЕЕНКО: Да, но в данном случае... Исходя из сложившейся ситуации, я думаю, не стоит преувеличивать последствия такого вот, извиняюсь, незапланированного чэпэ...

Свет. Кабинет Авдеенко. Хозяин его в своём кресле, Крохалёв примостился на подоконнике, с явной скукой поглядывая иногда в окно. Беленький расположился у самого стола, откинувшись на стуле, спиной к зрителям; важно кивает иногда или наклоняет голову, побарабанивает пальцами. Его шляпа хозяйски лежит на столе, под самым носом у Авдеенко; тот косится на неё, но убрать, видимо, не решается.

АВДЕЕНКО (продолжает): Контингент у нас в Кузьминовке, сами понимаете, не тово. Казаки — народ, э-э... вам не надо рассказывать, какой это народ. Ну и пришлые, конечно. Работаем, пытаемся что-то делать. Но, сами понимаете... Ну, я позову. (Встаёт, семенит к двери и, высунув голову в коридор, кричит): Нюшка!.. (Прислушивается.) Как провалилась куда... Нюшка! (Из коридора слышится женский голос: «Ну, чего вам?») Тут где-то этот... Иванов ходит. Найди и — сюда! (Возвращается к столу.) Да, народ, знаете... Но, как говорится, пост не бросишь.

Входит Иванов, останавливается. Помешкав, снимает фуражку, пытается пригладить волосы.

Оглядывается на стулья, но сесть не решается. Так получается, что он один на своей половине сцены, они же втроём — там, у стола.

АВДЕЕНКО: А вот и наш рыбак, чухонец... Ну-ка, садись. Что ж ты, братец, мозги-то мне пудрить... твой выходит, перетяг? А это, понимаешь ли, две большие разницы — твой он или не твой, перетяг. Две большие разницы, да. Не знал я, что ты этим занимаешься, а то бы...

ИВАНОВ (чуть не взмолившись): Да ну как же так, Афанасий Григорич... какой же он мой?! Рыбачил, ну и зацепил, вижу — шнур... Не рвать же удочку. Кто ж знал, что он там... она, рыба эта. Ну и... Мне ль перетягами этими заниматься, что вы! А работать кто за меня будет? Да вы у любого спросите, у соседей, и каждый вам скажет, что никогда я этим... (Оглянувшись, садится, наконец, у двери.)

АВДЕЕНКО: А ты подожди... обожди. Ты ведь сам заявил товарищам, что твоя это закидушка, что, мол, проверяешь её — это и в акте записано... что, нет? Дайте ему, товарищ Беленький, акт, пусть полюбуется...

БЕЛЕНЬКИЙ: Акт я ему дам, и он его нам подпишет (оборачивается наконец и глядит на Иванова прищуренными равнодушными глазами — впрочем, тут же отворачивается), дело не в этом. Мы имеем факт, что данный ваш житель уже поймал государственного осетра и намерен был унести, полакомиться, так сказать... И это в завершении нереста, в осетре обнаружена икра, мы вам показывали уже, Афанасий... э-э... Григорич. Какое нам дело, чьим орудием действовал преступник? Мы имеем факт, и его нам вполне достаточно, чтобы с полным основанием начать дело. Тем более что браконьер оказал... э-э-э... злое сопротивление инспектору рыбнадзора, ударял и искупал по пояс. А не будь меня как свидетеля — чтобы он тогда сделал? Я не берусь предсказывать, чтобы он сделал. Я боюсь предсказывать.

АВДЕЕНКО (слабо улыбается Беленькому): Да нет, чтобы он сделал... ничего бы он не сделал, мы его знаем. (Строго глядит на Иванова.) Но тем не менее...

БЕЛЕНЬКИЙ: Да, тем не менее. Павел Николаевич у нас один из самых работящих, уважаемых товарищей, мы очень ценим его старания. И слава... э-э... богу, что он задержал очередного браконьера, пусть это послужит... э-э, повлияет на других, кто очень уж хочет залезть руками в государственный рыбный фонд — вот так. Мы не намерены с этим мириться и, по моему глубокому убежденью, должны каждый факт браконьерства соответственно наказывать, да. Мы имеем право и должны, просто обязаны наконец этим правом воспользоваться, поймите меня правильно.

АВДЕЕНКО: Но, Виталий Самуилович... (заёрзал в кресле, взгляд его метнулся к Иванову и будто не долетел, остановился

на бумаге акта). Я с вами, сами понимаете, целиком и полностью «за». Нельзя не наказывать, это наш с вами принцип, да. Но в данном случае дело обстоит так, что... Знаете, оштрафуйте его на полную катушку, а дело передайте нам. Мы найдём как... мы его, голубчика, примерно накажем.

БЕЛЕНЬКИЙ (безнадёжно, скорбно прикрыл глаза, качнул головой): Нет.

АВДЕЕНКО: Но ведь наши полномочия, наши, так сказать...

БЕЛЕНЬКИЙ: Нет и нет. (Недовольно, с нажимом.) Поймите, штат инспекторов у нас минимален, нам трудно. Нам нехорошо. Браконьер умнеет, наглеет, я бы сказал... что тут сделаешь? Засуха, безделье, отовсюду сигналы, что рыбу незаконно берут, — а кто берёт, нам неизвестно. И если мы ещё начнём жалеть, то я не знаю, что ещё будет, мы тогда просто не нужны будем.

ИВАНОВ (всё время что-то хочет сказать, но не решается или не успевает): Да какой я вам браконьер, зачем уж так-то... Один раз в лето вышел на реку посидеть, а тут... Зачем вы на меня так?!

БЕЛЕНЬКИЙ: Вы это мне, знаете... не надо! Не люблю! Помолчите, а лучше выйдите, без вас решим. Я бы на вашем месте помолчал. Выйдите!

Снова появляется, постепенно усиливается звук цикад. Свет начинает гаснуть.

ИВАНОВ (растерянно встаёт, смотрит на Авдеенко, ожидая помощи, но не получает её. И в дверях ещё раз останавливается): Я уж вас прошу... очень вам благодарны будем. Што ж меня мять-то... Я ведь при совести, невзначай.

БЕЛЕНЬКИЙ (не оборачиваясь): Идите, идите — разберёмся. И, пожалуйста, без просьб. Раньше надо было думать.

АВДЕЕНКО (нервно поглаживая свой армейский ёжик): Подожди, это, там...

Иванов выходит в дверь, свет к тому времени гаснет совсем, цикады усиливаются. На просцениуме опять проступает силуэт сидящего всё в той же согбенной, горестно-раздумчивой какой-то позе Старика. В этой же стороне сцены появляется в слабом свете Иванов; проходит за спиной Старика, обращённого лицом к зрителям, и вдруг замечает его. Останавливается над ним, смотрит, мучительно что-то пытаясь вспомнить и осознать. И, наконец, спрашивает чуть приглушённым, каким-то внутренним, настоящим своим голосом.

ИВАНОВ: Ты зачем здесь?

СТАРИК (как-то безжизненно, не подымая головы): Не знаю...

ИВАНОВ: Но ты кто?

СТАРИК: Не знаю... забыл.

ИВАНОВ: Но как же-ть так... как можно забыть?

СТАРИК (после некоторого молчания): Не знаю. Заставили.

ИВАНОВ: Кто?

СТАРИК (ровным голосом, но с тоской): А это ты их спроси...

ИВАНОВ: Кого это — «их»? (Старик молчит.) Кого? Кто знает? (Старик не отвечает.) Кто они?

Старик качает головой, что-то бормочет себе, сосёт потухшую цигарку, смотрит на неё, в сердцах бросает под ноги и достаёт кисет, начинает сворачивать новую. Иванов, не дождавшись ответа, идёт просцениумом, тяжело думая о своём; перед уходом приостанавливается, ещё раз оглядывается на Старика. Затемнение. Звук цикад уходит, свет прибавляется, на сцене всё тот же кабинет Авдеенко.

БЕЛЕНЬКИЙ (у двери, надевая шляпу): ...как видите, ситуация просто безвыходная... что тут сделаешь? Я не знаю, что тут сделаешь. Тут надо военное положение вводить... Поглядим. А суд решит.

АВДЕЕНКО (выходит его проводить): Понимаю, понимаю. Но со своей стороны мы сделаем всё должное, чтобы, так сказать, защитить члена нашего коллектива, потому что...

БЕЛЕНЬКИЙ (перебивает его, Крохалёву — уже из коридора): Да, пусть подпишет акт, что ознакомился и согласен. А не подпишет, так ему ж хуже будет. И побыстрее.

Авдеенко и Беленький уходят. Крохалёв топчется с актом в руках, выглядывает в коридор и чуть не сталкивается с Ивановым. Иванов входит.

ИВАНОВ (кашлянув, просительным тоном): Ну, как оно тут?..

КРОХАЛЁВ (бурчит, не глядя на Иванова): А никак... в район едем. (Идёт к столу, кладёт акт, пристукивает его авторучкой.) Подпиши.

ИВАНОВ (вроде б с готовностью): Да-к это... что писать-то?

КРОХАЛЁВ: Ну, что... «Ознакомился и согласен», что ещё.

ИВАНОВ: Да какое ж я согласен, Пал Николаич, — перетяг-то не мой...

КРОХАЛЁВ (раздражённо): Пиши-пиши... рядиться он ещё будет, спорить. Слышал, что мой сказал?

ИВАНОВ: Да я подпишу... только подпишу, что ознакомился, иначе что ж я на себя...

КРОХАЛЁВ: Ох, гляди!

ИВАНОВ (примеривается к бумаге): Нет, ты как хочешь, а я уж... Как ж-ть я могу согласиться, Пал Николаич? Ты меня много на реке видел? На улице чаще видимся, чем... (Подписывает.) Слышь, Пал Николаич... я приду к тебе вечерком? По-людски всё надо б, что ж бучу-то подымать...

КРОХАЛЁВ (оглядываясь на дверь, будто испугавшись, торопливо): А вот это ни к чему... Совсем уж ни к чему, и не думай...

Почти вырывает у Иванова акт, на ходу сворачивает его

и суёт в свой планшет, поспешно выходит. Иванов глядит ему вслед и тяжело, устало опускается на стул, где недавно сидел Беленький; облокотившись на стол, прижимает кулаки ко лбу, замирает.

Возвращается Авдеенко, без удивленья видит Иванова таким, каков он сейчас есть.

АВДЕЕНКО (сумрачно): В суд дело передают, м-мать иху!.. Неймётся этому гладкому, всё как об стенку: нет, нельзя, у нас самые строгие инструкции. (Садится за стол.) Молодой, да ранний.

ИВАНОВ (кладёт руки на стол, через силу): А Крохалёв?

АВДЕЕНКО: Да что — Крохалёв... Тут всё дело в этом, Беленьком. Как-кой он, к чёрту, беленький — чёрный весь как жук, жушный!.. Будь моя воля, так я бы... (Надевает очки, роется в папках.) Ты им акта не подписывай, а там видно будет.

ИВАНОВ: Я подписал уже.

АВДЕЕНКО (даже очки снял, воззрился на Иванова): Как... когда?! Это сейчас, что ли?

ИВАНОВ (устало): Ну.

АВДЕЕНКО (не сразу): Бить тебя некому, дурака такого...

ИВАНОВ (равнодушно): Я подписал, что только ознакомился.

АВДЕЕНКО (облегчённо): И всё? Ну-ну... Вообще бы не надо подписывать, никак... Ну ладно. Попытаемся что-нибудь сделать — но не знаю, не знаю... Иди домой и жди вызова моего, в случае чего.

ИВАНОВ: Так меня что... арестуют?

АВДЕЕНКО: И это могут, а что ж ты думал? Это, брат, тебе не колхоз — государство, с ним шутки плохи.

ИВАНОВ (очнувшись, с болью): Да как же всё получается, Афанасий Григорич!..

АВДЕЕНКО: А вот так. Иди, иди, у меня уже голова от тебя разболелась. Чёрт бы вас побрал всех... как младенцы все, ей богу! Ид-ди ради Христа!..

Картина пятая

Двор Ивановых. Входит Иванов, останавливается посредине, осматривается, словно по ошибке попал в чужой двор. Бросает пиджачок, бывший у него в руках, на лавку, садится на ступеньки сенец, пусто смотрит перед собой.

АКСИНЬЯ (выходит из сарая): А я слышу, кто-то стукнул... Чем ходить, карду вон пошире бы пустил, сколько можно скотине тесниться. (Вспоминает.) Да, есть-то собираешься ты ныне аль нет? Время обед. (Только сейчас замечает неладное.) Ты что это как с похорон? И утром... (Вглядывается в его лицо.) Иль весть какая?

ИВАНОВ: Весть? Есть и весть...

АКСИНЬЯ: Что в сельсовет-то — вызывали?

ИВАНОВ: Вызывать не вызывали... сам пришёл. (С трудом.) Дело нехорошее получилось, Аксют. Сажать меня надумали, вот что... или вроде того. Ерундовина такая вышла.

АКСИНЬЯ (не верит): Сажать? Да ты, это... окстись, что мелешь-то? (Понимает, что муж говорит всерьёз, в её глазах, в голосе возникает что-то нехорошее, злое.) Что городишь-то?!.

ИВАНОВ (впервые взглядывает на неё): Не горожу, Ксень, — всамделе. С рыбнадзором поцапался, носит их поганым ветром... Думал с утра — обойдётся, а оно вот не обходится... Дай мне с десятку, дело одно надо сделать.

АКСИНЬЯ: Скоко тебе?

ИВАНОВ: Ну, рублей десять...

АКСИНЬЯ (грубо): Рублей десять?! (Одёрнула юбку меж ног, пошла на него.) С надзором, говоришь?... А ну, выкладай, что ты там наделал! Сажать его надумали... ты иль забыл, выворотень чёртов, что не мальчик ты, что семья... Чего натворил?!

ИВАНОВ: Подожди, подожди... попёрла! (Вдруг, словно сломавшись, соглашается.) Натворил, Аксют, действительно... Да кто ж их знал, что окажутся они там? Знать бы — верстой обошёл эту реку!.. Да-к и не виноват я, считай, по нечайке всё...

АКСИНЬЯ (стоя над ним, почти причитая): Да ты что ж надо мной воду-то варишь... что не говоришь-то?! Что ж я самая последняя всё узнаю от тебя — аль чужая какая?! Где-то безобразию развёл и ходит молчком, думает!..

ИВАНОВ: Тебе и говорю, первой...

АКСИНЬЯ: Где ж говоришь, коли... Да как ж-ть мог связаться ты, такое-то сделать? Где ж глаза-то бесстыжие твои были, что думал-то, когда такое творил?!

ИВАНОВ (теряя терпение): Какое «такое»? Ты хоть узнай сначала, о чём речь, а потом кричи. Нечего теперь кричать.

АКСИНЬЯ: А я знаю — какое! За хорошее людей в тюрьму не сажают, ты мне не говори. А он там натворил бог знает что, а теперь его улещивай! В воротах его встречай, десятки давай!.. Да как ты мог такое, как осмелился-то?!

Иванов в сердцах сплёвывает, встаёт, уходит в дом; Аксинья, утирая концом платка глаза, идёт следом. В окно, открытое во двор, слышатся обрывки их разговора.

ГОЛОС ИВАНОВА (то возникая, то пропадая): ...да как — вот так!.. Чертей на неё ловить, на эту снасть... А кто знал?.. Ретивый, куда-а!.. А что Авдеенко... Судом грозятся...

ГОЛОС АКСИНЬИ: А связываться зачем?! Отдал бы им всё, от греха подальше... Господи, да что ж это такое... неужель уж и эта чаша не минует нас? Рыбак...

Говорила ить, что не делом занялся... Говорила, как сердце чуяло.

ГОЛОС ИВАНОВА (раздражённый): Ничего оно у тебя не чуяло, нечего попусту молоть... Кончай. Все вы горазды, опосля-то.

ГОЛОС АКСИНЬИ: Чего ж теперь, мильцанера ждать, Быкова? (Сморкается там, всхлипывает.) Готовь, жена, сухари... Господи, кручина-то какая! Как ж-ть совести хватило у тебя — семью подводить... Зачем ты на реку эту пошёл?! Ить суд — шутка ли?!

ГОЛОС ИВАНОВА: Опять она своё... Замолчи.

ГОЛОС АКСИНЬИ: Я ить жалеючи, Тимош. Вся наша жизнь теперь навыворот, как мне жалко-то...

ГОЛОС ИВАНОВА: Замолчи! (Пауза.) Толку от вас, баб... одни охи. Десятку дай... а то две. Схожу к этому Крохалёву... (Пауза.) Поживей копайся.

Выходят из дому, Иванов берёт пиджак, суёт в нагрудный карман деньги.

ИВАНОВ: Мне ещё к председателю колхозному попасть надо, застать... Обскажу всё, пусть. Может, замнут они дело. Иль оштрафуют, подожди гориться. Толку-то от этого.

АКСИНЬЯ: Ты уж не бери к нему вина-то, ты этот... коньяк ему возьми, пусть он им подавится, паразит. Накинулись на мужика, знать ничего не хотят... Хорош этот Крохалёв, нечего сказать... бирюк чёртов! Забрался как нелюдь на хутора, уж и с людьми жить разучился. И парнишки у них какие-то дикие, и Катька его... в магазине встренешь — слова не вытянешь. Дикие, я и говорю. Господи, и кому только угождать нам не приходится, горемыкам!.. И проси, спина, чай, не отсохнет. Всё-то от горя до горя перемыкой живём, как проклятые... (Спохватилась.) А поесть-то что ж, ить с утра не емши ходишь...

ИВАНОВ: Какая тут еда...

АКСИНЬЯ: Не-не, обожди!.. (Бежит в дом, выносит ломоть хлеба с парой яиц в пакете, засовывает в карман пиджачка.) Хоть по дороге где-нито перехватишь... Иди. И проси, нечего уж теперь... Проси.

Картина шестая

Сельский магазин, судя по всему — бывший купеческий лабаз с мощными железными затворами, сейчас распахнутыми; над дверьми вывеска, с торцовой стены его лавочка и штабель дощатых ящиков, в основном из-под водки. Всё кругом, конечно, затоптано, в окурках, несколько ящиков расставлены для «заседающих», сейчас они пусты. Дело к вечеру. Входит Иванов, вид у него усталый, на лице постоянное — то напряжённое, то притухающее — раздумье. Заходит в магазин, но далеко вглубь не проходит, виден в двери.

ГОЛОС МАРИИ: Здравствуй, Тимофей Василич. Давненько не был.

ИВАНОВ: Да как-то, знаешь... Здравствуй, Мань.

ГОЛОС МАРИИ: Вроде ныне и делов у вас немного... Ваш брат, трактористы, от меня вон не вылазют; прямо не отойди — везде разыщут...

ИВАНОВ: Так комбайны ремонтируют, а там — известно дело...

ГОЛОС МАРИИ: Ох уж... Опосля такого ремонта их самих ремонтировать надо. А тебя, гляжу, нет и нет. Что, не пошёл на комбайн?

ИВАНОВ: Да что убирать-то? Осень пустая будет. Дома копаюсь. (Пауза.) Я что-то не вижу этой... главной.

ГОЛОС МАРИИ (смеётся): Водки-то? Щасик со склада принесут, двух добровольцев отрядила. А ты что, взять хотел?

ИВАНОВ: Да надо... Или уж коньяк, что ли, вон тот сыми, за восемь...

ГОЛОС МАРИИ: Что, гость какой высокай?

ИВАНОВ: Да какой гость... нужда у нас гость. Или подожди, не сымай, ну его... Лучше свою возьму, она привышнее.

ГОЛОС МАРИИ: Да-к и то верно. (Выглядывает, смотрит вдаль улицы.) Чтой-то не идут, не видно...

Она сходит на пятачок перед магазином, садится на врытую поодаль скамейку. Иванов выходит следом.

МАРИЯ: Гляжу вот на наших мужиков и не узнаю... Ка-быть не мы это вместе бегали, в кулюкушки играли, хороводились потом... Хоть вон Митрий, Окунишников-то, на склад сейчас побежал... ить какой парень был — золото! Хоть плясать, хоть работать — везде годился. Николи за людьми не тянулся, а всё люди за ним. И вот обжился вроде, поперёд всех и машину купил, и в дому образов только святых нету... а вот затосковал, вот возьми ты его. Смыслу, грит, нету. Да уж какой, говорю, такой уж смысл-то нужон, раз дети есть... Мы вон с дочкой одни остались, а смыслу хоть отбавляй... голова кругом. А этому вот троих не хватает, гольной водкой свою тоску заливает, второй уж год. Не-е, ежли уж такие под откос пошли, то...

ИВАНОВ (раздумчиво): Да, вино — оно такое... Спустили его с цепи, оно и кружит рядом... вроде как всегда наготове. Чуть ты зазевался где там или слабину дал — оно тут как тут, цап тебя... Все под ним, как под богом, ходим, куда ни сунься — везде вино...

МАРИЯ: Во-во... По мне, какой ни надоедный товар — селёдка, два дня потом не отмоешься от неё, всё пахнет... а по мне лучше ею торговать цельный день, чем бутылками. Да-к нету, селёдки-то. (Помолчала.) А дружок-то у Митрия был, помнишь? Ну, Ванёк-то, который в эмтээсе

тогда работал, а потом в инженера вышел, в Рассыпную уехал... да цыганистый, горячий такой?

ИВАНОВ (не совсем уверенно): Ну?

МАРИЯ (глядя со странной, пытливой какой-то полуулыбкой): Так он ить тада чуть не убить тебя хотел...

ИВАНОВ (глядит удивлённо, хмыкает): Да за что?

МАРИЯ (с тою же улыбкой): А эт чтоб я на тебя не глядела...

ИВАНОВ (не находит, что сказать): Да-к это... я-то тут при чём? (Понимает, что сказал не совсем то, пытается шутить.) По задам и ходил, чтоб не глядели.

МАРИЯ: Во-во... Там тебя, говорят, Ксенька и караулила. Бойченная, словила...

ИВАНОВ: Это как сказать... (Не без удивления опять и с горечью какой-то.) Надо ж... и мы как раз говорили сёдня, о том же.

МАРИЯ: С Ксенькой?

ИВАНОВ: А с кем ещё. (Смотрит внимательно.) А ты что вспомнила?

МАРИЯ (со вздохом — впрочем, лёгким): Да так... Надо ж когда-нибудь сказать. А то молчишь и молчишь. Намолчалась я за свою жизнь.

ИВАНОВ (шуткой скрывая некоторое своё смущение): А что ж ты Ванька-то этого...

МАРИЯ: Упустила-то?! (Смотрит открыто, ясно.) Да вот, дура была...

ИВАНОВ (чтобы что-то сказать): Мы все не умней были. Как вспомнишь...

МАРИЯ: Да кто говорит... Всякому своё вышло, в суд не подашь.

ИВАНОВ (возвращается к нынешнему, глядит на небо — солнце уж за крышами; вздыхает): Что верно, то верно...

Слышен говор, из-за угла появляются Окунишников, в старой истончавшей телогрейке и калошах на босу ногу, и какой-то мужик, тоже довольно затрапезного вида; они несут ящик водки.

МАРИЯ: А-а, вот и комсомольцы-добровольцы... Вы там сказали, чтоб ещё сюда подвезли?

ОКУНИШНИКОВ (вдохновенно): А как ж-ть! Машину уж подали! (Затаскивают ящик в магазин, Мария идёт за ними, рассчитывает их.) А за труды?

МАРИЯ: За труды жена выдаст.

ОКУНИШНИКОВ (выходит с бутылкой): Ну что ни баба, то поперешница!.. (Иванову.) Ты как насчёт этого? А то б ещё одну...

ИВАНОВ: Не, дело есть.

ОКУНИШНИКОВ: Гляди...

Не мешкая, Окунишников с мужиком располагаются на ящиках. Иванов входит в магазин.

ИВАНОВ: Давай уж ещё одну, про запас.

МАРИЯ: Бери, её-то не жалко. Вас жалко.

ИВАНОВ (помедлив): Вправду?

МАРИЯ: А то нет? Как машина с водкой подойдёт — глядишь и думаешь: одна, а сколько горя везёт... Счас вот с работы пойдут — только подавай... А что Васька-то вашего не видать стало?

ИВАНОВ: Да-к уж всё, конец каникулам, на запашку бросили. Нам теперь пахать да пахать, полей — их вон сколь посписано... Ладно, пошёл я.

МАРИЯ (тихо): Дай тебе Бог...

Картина седьмая

Горница в доме Крохалёва — саманные, давней постройки стены, небольшие глубокие окна. Стол, в углу над ним божница, направо — белёная голландка, занавески: всё грубовато, захватано, на всём какой-то налёт временности. На лавке, подавшись к окну, разбирает в свете вечерней зари какие-то бумаги Крохалёв, тут же валяется его планшет.

На дворе слышно редкое злобное гавканье крупного, по-видимому, кобеля, звяканье посуды.

КАТЕРИНА (за сценой): ...да с час как приехал, дома. Павлушк, тут человек к тебе! (На собаку.) Цыть, злоба! Глотку готов порвать, дармоед чёртов! Ну-кось я вот тебя дрыной!..

Крохалёв, обернувшийся было к двери, видит входящего Иванова и с самым раздражённым видом отворачивается.

ИВАНОВ (кашлянув в кулак): Пришёл вот, Пал Николаич... (оглядывается, ищет, где присесть). Ты уж не гляди, что так... говорить-то надо.

КРОХАЛЁВ (раздражённо): Говорил ему — не приходи... так нет, пришёл он всё-таки. Что вот ты пришёл, ну?

ИВАНОВ: Ну, как же... Дело-то надо решать.

КРОХАЛЁВ (то ли кривится, то ль усмехается): А его и без нас решат, не бойсь. Ты что ж думаешь, там решать некому, что ли? Решат, за этим дело не станет.

ИВАНОВ: Да знаю, что решат; так надо по-доброму как-то, по-людски. Посидим, это, поговорим... а? (Помешкав, достаёт из карманов одну бутылку, за ней другую, делает шаг, ставит их на стол, за хлеб, прикрытый дежником. Крохалёв не то что удивлён, но раздосадован.) Ты уж не гляди, сколько выпьем... Сам понимаешь. Я уж думал: с кем, как не с тобой, мне говорить... Начальникам что, приехал да уехал, а нам... Дело ить не шуточное — жизненное, так надо и поговорить, Пал Николаич, что ж сплеча рубить...

КРОХАЛЁВ (сумрачно): Зря ты это. Ни к чему всё, зря. Я ведь на штуки эти не продаюсь.

ИВАНОВ: Да-к какая продажа, Пал Николаич... Я к тебе как человек к человеку, какая тут может быть... Я уж по-простому, ты меня пойми. Не беда, если посидим, поговорим. Может, присоветуешь мне что... не обессудь! (Глянул тревожно, почти

умоляюще, развёл руками.) Иначе пропаду ить... за так, как вошь какая-нибудь.

КРОХАЛЁВ (засопев, жене в кухоньку): Ты скоро там соберёшь, копуша, сколь я ждать-то буду?!

КАТЕРИНА (за сценой): Успеешь! Ты вон с человеком поговори, к тебе человек-то пришёл... Всамделе пропадает человек. Сам говорил — браконьер... а какой это, к шуту, браконьер, это мужик Аксюткин! Сроду этот твой Беленький что-нибудь удумает!

КРОХАЛЁВ: А ты молчи... молчи, не твоего ума это дело. Тоже мне влезла. Твоё дело кулеш вон варить — вот и вари. И лучку, яичек принеси, нечего встревать, тебя тут никто не просит.

КАТЕРИНА (за сценой): А я без спросу! (Неожиданно появляется в дверях — худая, загорелая, с сухим костяным лицом и злыми глазами. На ней грязный сатиновый фартук, в руках половник.) Ох уж и вора нашли вы с Беленьким этим, ох и герои... Людей постыдитесь! Чтой-то примака этого, Заводского, вы не ловите — когда он пудами с реки носит, полселу продаёт... А к мужику прицепились. Свиней Заводской — и тех рыбой кормит, сама хозяйка сказывала... у него полон погреб её, рыбы, всякой, — а вы на мужика!

КРОХАЛЁВ (собирает бумаги): Ну, я в погреб к нему не полезу. Его поди, поймай — чёрта с два! Он саму гэпэу обведёт, старый... сатане в шапку наложит. Отстань.

КАТЕРИНА: А вот человек к тебе пришёл, а ты пойми! И так бирюками живём, бог-знат где от людей хоронимся, а ты ещё их принижать... Чем ты их лутше? Чай, мы тоже среди людей живём!..

КРОХАЛЁВ: А то я без тебя не знаю... Отстань! (Катерина, непримиримо буркнув что-то, исчезает.) Вот бабы... С живого не слезут.

ИВАНОВ (несколько подобострастно): У меня своя такая. Это уж по штату им положено — наседать... Ну что там, Пал Николаич, в районе?..

Входит и выходит Катерина, собирает на стол, жалеюще посматривает на Иванова.

КРОХАЛЁВ: А ничего... В суд Беленький на тебя строчит, документы оформляет. Залез в свою гостиницу и строчит.

ИВАНОВ (подавленно): Так что ж... всё теперь?

КРОХАЛЁВ (засовывает бумаги в планшет): Откуда я знаю, всё или не всё... Конечно, не всё. Главное дело впереди.

ИВАНОВ: Ты уж мне, Пал Николаич, присоветуй, как и что... не поминай утрешнего. Знамо дело, горячка у нас вышла, каюсь... Ну, так что ж теперь, всю жизню это помнить, что ли? Мало ль бывает...

КРОХАЛЁВ: Ладно, поговорим... (Хозяйке.) А ты-то что... давай. (На правах хозяина наливает всем. Катерина снимает фартук, чинно, кивнув Иванову, выпивает до дна и, прихватив кусочек хлеба, уходит. Пьют, едят.) Вот что я тебе скажу: пиши заявлению на имя прокурора. Так, мол, и так: акт неправильный, ни в какую, мол, не согласен, а подписал просто, что ознакомился... Не думал, дескать, что всерьёз всё это, никогда таким не занимался, ну и...

ИВАНОВ (поспешно): Ну да, так — а как же ещё... Думал: поймут, уладят, то-сё...

КРОХАЛЁВ: Вот так и пиши. А ещё надо общественность на ноги поднять... (Хмыкает.) С карачек. Сельсовет, колхоз там. Пусть они тебе характеристику напишут. Медали какие, ордена имеешь?

ИВАНОВ: Да какие... Ну, ударник, грамоты там — да-к им цена известная. Ордена вон за так вешают, на шапку глядя, а уж эти...

КРОХАЛЁВ: Всё пусть пишут, тебе теперь всю жизнь в кулак собирать надо... Пусть Авдеенко от себя что-нибудь наваляет — ну, хоть товарищеский суд пообещает. Мы-то на товарищеский отдаём обычно, суд такую мелочь не берёт... помнишь, Ильичёва в прошлом году с сетьми застукали? У Нижнеозёрной? (Иванов кивнул. Крохалёв наливает, они пьют.) У тут взыграло у Беленького, почуял, что можно раскрутить... Не, самое милое дело — товарищеский, посчуняют, ну и гуляй... (Пытливо смотрит.) А теперь по чести скажи: как всё у тебя вышло, с рыбой-то?

ИВАНОВ (уже малость захмелевший): Как говорю, так и было, Пал Николаевич... Христом-богом! Хоть сейчас пошли ко мне... обгляди, облазь всё — чешуи не найдёшь, не то что снастей каких... Мне ль этим заниматься, коль я из борозды в борозду... Когда кормил, пыль тридцать лет глотал — хорош был, а как сам... как сазанишку несчастного... (Отвернулся, шарит по карманам.) На хрен мне осетрина эта... пусть подавются, кому её берегут! Пущай хлебом моим подавются!.. (Ожесточённо, ломая спички, прикуривает.)

КРОХАЛЁВ (что-то поняв): Ладно-ть, что-нибудь постараюсь. Мне оно тоже, при моей работе... Ладно. Пиши завтра, к прокурору езжай, а я, может, с Беленьким...

КАТЕРИНА (за сценой, гремя посудой): Я вот сама ему скажу, этому Беленькому... Что ж ты, скажу, на мужика такое валишь — обуй глаза!.. Ить чёрная кость, в земле весь век...

КРОХАЛЁВ (бросил бешеный взгляд туда, к двери, грохнул кулаком по столу): Не моги! Ни слова, слышь... укатаю тады как валенок! Моду взяла — лезть!.. Не моги. А то я те раз и

навсегда отучу, пилу поперешную, пенька бояться будешь!.. Катерина там заплакала, захлюпала носом, слышны только отдельные слова: «Семой год бирюками, господи... а рази так надо... А ему хоть бы што... толсторожий...» Крохалёв встаёт, смаху захлопывает дверь; некоторое время стоит, задумавшись тяжело, проводит ладонью по набрякшему лицу.

КРОХАЛЁВ: Ну, всё. Об этих наших посиделках никому... ни к чему это. Что смогу, то сделаю, а остальное как Бог даст... А эту (ткнул пальцем в сторону початой второй бутылки) убери, чужого мне не надо.

ИВАНОВ: Может, мы ещё...

КРОХАЛЁВ: Нет, забери.

Картина восьмая

Горница дома Ивановых — в отличие от крохалёвской ухоженная, приветливая: половики, дешёвенький телевизор на тумбочке. У окна стол под скатертью, тут же малость старомодные «венские» стулья, диван, в углу за занавеской большая, с пирамидой подушек и кружевными подзорниками, семейная кровать «с шишечками». Над большим зеркалом заретушированные до неузнаваемости портреты хозяина и хозяйки времён их молодости. За столом, уронив голову в сбившемся платке, спит Аксинья; на столе прикрыт полотенчиком приготовленный ужин. Во дворе брякает калитка, потом скрипит и стукает сенишная дверь, но Аксинья не слышит, спит с блаженной полуулыбкой на лице. Входит Иванов. Останавливается над Аксиньей, смотрит с каким-то тяжёлым, двойным чувством — жалости и недоверия. Потом трогает её за плечо, Аксинья просыпается, вскидывается, улыбка на её лице сразу же — как все у неё — сменяется на горестное.

АКСИНЬЯ: Слава-те, пришёл... Да что ж долго так, иль опять что случилось?

ИВАНОВ (пересиливает себя, успокаивающе): Да ничего, Ксюш... ничего, из району поздно вернулся он, подождать пришлось.

АКСИНЬЯ: Господи, а я тут все глаза проглядела, все жданки съела — вдруг, думаю, на дороге тебя встренут, уведут и не покажут... Что ж ты мне сердце-то рвёшь... с полдён ушёл и нету?! Мне-то ждать каково, каждый стук ловить?.. Ну, как он сам-то, как принял?

ИВАНОВ: Да как... Вроде б хорошо поговорили, советы он давал. Человек он тоже подневольный, что с него возьмёшь.

АКСИНЬЯ: Обнадёжил?

ИВАНОВ (не сразу): Есть маленько.

АКСИНЬЯ: Ты вот садись давай, ешь, рассказывай скорей... Всё уж простыло — подогреть?

ИВАНОВ (невесело усмехнувшись): Ни к чему... в гостях,

чай, был. Две бутылки, считай, усидели. Чаёк согрей, чтой-то знобит меня дюже...

АКСИНЬЯ (не выдерживает, судорожно, будто наплакавшийся ребёнок, вздыхает): А всё река! Она всё, проклятая... о, господи!.. (Справляется.) Счас на примус поставлю. (Выходит.)

Иванов тяжело садится, видно, что он не вполне здоров. В открытое во двор окно слышны цикады, скоро к ним примешивается шипенье примуса.

АКСИНЬЯ (за сценой): Ну, где ты там... ты расскажешь, аль нет?

Иванов встаёт, перед уходом выключает свет в горнице, притворяет дверь — остаётся тонкая полоса света, идущая из задней половины избы. Звуки цикад и примуса усиливаются, причудливо смешиваясь, за ними угадывается разговор Тимофея с Аксиньей в кухне. Вскоре полоса света гаснет. Общее непродолжительное затемнение, наполненное трелью одних цикад, сменяется ночным брезжущим светом у кровати. Звук цикад спадает, но не уходит совсем, подчёркивая глухую тишину спящего села. Аксинья лежит, привалившись к Тимофею, её рука спрятана у него под мышкой.

АКСИНЬЯ (вздохнув ему в плечо): Как будто-й год тебя не видала, заждалась... Вот-вот, думаю, участковый придёт, стукнет... Вдруг взаправду увезут, что я тогда без тебя делать буду?..

ИВАНОВ (не сразу, чужим голосом): А ничего. Гляди, замуж ещё выскочишь... Не стены же стеречь.

АКСИНЬЯ (от неожиданности даже на локте приподнялась): Т-тю!.. Сдурел. Совсем мужик сдурел! Люди добрые, вы поглядите... Ты эт когда удумать успел? (Тимофей лежит молча, недвижимо. Аксинья тормошит его.) Что, совсем что ли сдревил, муженёк?

ИВАНОВ (хрипловато): Тут задревишь... А ты не хочешь — четыре года?

АКСИНЬЯ (испуганно): Какие четыре, господь с тобой?!

ИВАНОВ: Такие... Авдеенко книжку листал, эту... ну, где законы. Они ж не за голову — они за книжки сразу хватаются... Статья сто шестьдесят третья, как сейчас помню... Что я сыну скажу?

АКСИНЬЯ (зло): Они что, дурные там все?! (Не верит.) Не-е, это уж каким-нибудь алыхарям, которые вон стреляют... Каких уж не исправить. Не, ты не думай... и не за такое вон отпускали, даже-ть не судили. Сам говоришь, что товарищеский, может, устроют... к секлетарю первому съезжу, а умолю. (Помолчав.) Ну, удумал — и не грех тебе? (Тимофей молчит.) Ить скажет напраслину — как хошь, так и отмывайся...

ИВАНОВ (не сразу, опять чужим голосом): Все мы такие... верить можно, пока рядом лежишь.

АКСИНЬЯ (обиженно): Да ты, никак, вправду... И как не совестно — такое говорить? Я что ж, по-твоему, совсем уж... (Спохватывается, жалость пересиливает в ней). Тимош, да ладно тебе... (Теребит его, обнимает, заглядывает в лицо). Совсем, гляжу, сварился у меня муженёк...

Тимофей молчит. Ксения приваливается к нему тесней, прижимается лицом к плечу его, рука её гладит, ласкает всё торопливей и не скрывает уже, что это значит. Тимофей не выдерживает, отстраняется — и вдруг скидывает ноги с кровати, садится.

АКСИНЬЯ (приподнявшись, удерживает его за плечо, тянет, лихорадочным голосом): Ну, ты чего?.. Ну, что ты, Тимош — иди-и...

ИВАНОВ (глухо): Ну-ка, обожди, Ксюш... обожди. Ну, не надо. Не могу я, неможется что-то... видно, простыл. Ну хочешь, я на диван тогда пойду?..

Аксинья медленно ложится, затихает, потом отворачивается к стенке. Цикады усиливаются, и сквозь них чудится иногда, что Аксинья плачет. Тимофей сидит, уронив руки. Затемнение.

Окна начинают медленно брезжить, светать. Спадают трели цикад, слышится где-то крики петухов, коровье мычанье — выгоняют на выпаса скотину. Иванов сидит на диване, где ночевал, как-то тяжело, с остановками, одевается; видно, что ему сильно нездоровится. Семейная смятая постель пуста, со двора доносится звяканье ведра. Иванов кое-как одевается, ищет, присев на корточки, в тумбочке таблетки. Входит Аксинья — не забывшая про ночное, с лицом раздражённым, припухшим со сна.

ИВАНОВ (не оборачиваясь): У нас где-то таблетки были...

АКСИНЬЯ (внимательно, даже недоверчиво смотрит, подходит; и, помедлив, прикладывает к его голове ладонь): Что — всамделе, что ль? А жар, жарто... Да ты где же схватил-то, милёнок?

ИВАНОВ: И сам не знаю, Ксюш...

АКСИНЬЯ (захлопотала): Так я тебе молочка сейчас, я скипячу... И глаза вон какие... (Приносит к таблеткам воды в кружке.) Ты не сказал, а мне и невдомёк, дуре, что захворал мужик... (Расстроенно.) Господи, вот дура-то... Ты что ж ничего не сказал-то?!

ИВАНОВ: Как не сказал... я говорил.

АКСИНЬЯ: Говорил он... А у самого жар не знаю какой. Надо говорить. (Торопливо уходит, громыхает посудой там, опять шумит примус; входит, наспех прибирает кровать.) Как же-ть ты поедешь-то теперь, такой-то? Может, ляжешь, а? (Заглядывает ему в лицо.) Ну их к шуту всех, успеется...

ИВАНОВ: Нет... Нельзя. (Шарит на телевизоре, находит

авторучку, школьную тетрадь.) Никак нельзя... поеду. Иначе прахом всё...

Садится, кладёт перед собой тетрадь, тяжело наваливается на стол. И начинает писать — клонясь головой, спотыкаясь непослушной, не привыкшей к перу рукой.

Картина девятая

Райцентр, кабинет секретаря нарсуда с распахнутыми на улицу окнами. На стене портрет Андропова. Тут же, за перегородкой у второго окна, стрекочет на машинке секретарша-«пишбарышня». Кабинет пуст. Напротив раскрытого окна сидят на бетонной оградке палисадника два мужика, разговаривают, в ногах у одного из них плотницкий ящик с инструментами.

ПЕРВЫЙ МУЖИК (покуривая, поцыкивая слюной в лопухи палисадника): ...а я ему так и сказал: нет, товарищ Востряков, ты со мной так — ну, и я с тобою так... и манал я все ваши постановления, вместе с вами. Я КЗОТ от корки до корки изучил, и вы меня, говорю, не наколете — не старые вам времена, шалишь! А что у вас калым заваливается — мне наплевать с высокой колокольни. Хоть разок, говорю, сами ответите, своим карманом, а то привыкли на чужом горбу в рай... Эх, как он на мою особу глядел — ты б видал!.. А что он сделает, трудовая-то у меня уже на руках. А я ишшо взял да вынул её, повертел вот так, прям под носом у него. (Показывает рукой.) Он было рукою цап — а не тут-то было. Ну и заблажил: отдайте немедленно, или милицию вызываю!.. А я ему — кулак вот этот... (Показывает кулак — действительно, не маленький.) Вот те, говорю, без свидетелей... в получении распишитесь! И стройте, говорю, своё распрекрасное будущее без меня, мошенники... Ну и пошёл, засвистел.

ВТОРОЙ МУЖИК: Ловко ты его!..

ПЕРВЫЙ: А надоели. До смерти, хоть революцию начинай. Так и распрощались-расплевались. А я от него и прямо к вашему Красильникову: так и так, в столярах-плотниках нуждаетесь? Принимаете? Тот аж опупел от радости, у вас ить столяра — рамы не свяжут, ты не обижайси... Приказ, говорю, нынче будет? Не нынче, говорит, а прямо счас... Сам отвёл меня в отдел кадров, эта пигалица там мигом настучала что надо, он подмахнул, она в книгу приказов записала — и всё ладком!

ВТОРОЙ: Значит, спешил ты всё ж...

ПЕРВЫЙ: На всякий случай. Красильников, тот всё равно бы принял, а... нет, на всякий случай надо было. Знаю я этого Вострякова как облупленного — звонить бы стал, запереживать, чтоб не брали. Он мне грозил же: ты, мол, мне устроишься тут

на работу... выше говновоза не дам! Так прямо и сказал — они ж тут спетые все, спитые...

На улице появляется Иванов — побритый, в костюмишке, но с тяжёлым, будто похмельным лицом, с больными глазами. Смотрит на всякий случай на вывеску, шевелит губами и идёт к входу в здание. Мужики провожают его глазами…

ПЕРВЫЙ: Ну да-к вот... Дай, думаю, ишшо разочек душу отведу. Трудовую, уже заполненную, у девчушки отпросил на полдня, ну и после обеда пошёл. На хоздвор захожу, тары-бары с мужиками — прям под ево окном. Ну, случай тот, про Ефима, вспомнил — мужички впокат. Выходит. Привет, говорю, бывшим сослуживцам. Он сторожу: это что такое, почему здесь всякие посторонние ходют — ну, и всё такое...

ИВАНОВ (входит в кабинет; его разговор с секретаршей, прервавшись, слушают мужики на улице): Здравствуйте. (Машинистка не оборачивается и не отвечает — печатает.) Мне бы, это... прокурора.

СЕКРЕТАРША (не оборачивается, печатает): В отъезде.

ИВАНОВ: Что ты, дочка, сказала?

СЕКРЕТАРША: В отъезде он — что, не понятно? (Оборачивается, подозрительно смотрит.) Н-да, папаша...

ИВАНОВ: Ну, зачем вы так. Я ж не со зла...

СЕКРЕТАРША: А вы научитесь обращаться. (Отворачивается, печатает.)

ИВАНОВ: А вместо него кто? Мне тут заявлению одну...

СЕКРЕТАРША (печатает): Это — к секретарю. Щас будет. Всё?

Иванов кивает ей в спину и, помедлив, выходит; через полминуты присоединяется к мужикам.

ПЕРВЫЙ (продолжает): Сторож ему: да какие ж всякие... Тот: а вы знаете, что он уже уволен?! Сторож: нет, не знаю — откуда? Вы ж не сказали... Вострякову и крыть нечем. Ну так знайте, орёт, и выведите его отсюда... Да-к я, говорю, за своим личным инструментом зашёл. Не выдавать, блажит, никаких инструментов! Где бригадир? Ну, Степан, тот шестёрка известная — тут как тут. Тычет ему пальцем: его инструмент немедленно занесть в мой кабинет! Прям сейчас!.. Да-к, говорю, ящик со всем прочим (трогает ботинком ящик в ногах) я сразки взял, унёс, а вот отвес забыл. Нитка — ладно, шут с ней; а вот гайки, говорю, жалко... хорошая гайка была, на девятнадцать!.. (Второй мужик крутит головой, похохатывает.) Он ажник позеленел. А я ему, без передыху, трудовую под нос опять, раскрытую: это, мол, как?! Это, говорю, ваша запись (показывает пальцем на ладони), а это я уже устроился! Так что, говорю, не трудись звонить, сослуживец, а в говновозы сам иди... Там таких

как раз не хватает. Так и сказал, я ить в кулак шептать не буду.

ВТОРОЙ (всё похохатывает, подтверждает): Ты скажешь... Ну, и что?

ПЕРВЫЙ: А ничего. Мужики кто куда — при ём-то не больно посмеёшься... А я поглядел ишшо, как он молчком язык себе жуёт, ну и пошёл в ворота.

ВТОРОЙ (качает головой): Ох, гляди. Ему ж первый — лучший дружок...

ПЕРВЫЙ: Манал я их всех. Меня им нечем взять. Работаю — дай бог, не выгонишь, родни за границей нету...

ВТОРОЙ: А ежли за оскорбленье депутата? Он ить депутат — областной, я сам голосовал. А у нас депутаты любют за это народ сажать, уж скольких на моём веку...

ПЕРВЫЙ: Не-е... что он — дурак, что ли? Весь район узнает, что я ему в говновозы советовал... Не, он не дура-ак. Мошенник — да, это все знают, а чтоб дураком назвать... Вот так я к вам и попал.

ВТОРОЙ: Да-а, история... А вот я, когда в гэсэеме ещё работал, на базе...

На улице появляется секретарь суда — молодой деловой человек в очках, с визиткой на ремешке.

СЕКРЕТАРЬ (мужикам): А-а, пришли... Ну так вот: дело предстоит тонкое. Будете ставить кондиционер. Тут. (Указывает на нижнее звено окна.) А то жара — работать невозможно. Вопросы будут?

ПЕРВЫЙ (подойдя к окну, щупает раму): Будут. Мала для него рама. Придётся тогда рушить — а не надо бы... (Стучит по раме пальцем.) Вещь навек сделана, дуб. Купец один, говорят, строил себе — расстарался, что скажешь...

СЕКРЕТАРЬ (с усмешкой): Ну, мы не купцы. Решение принято — рушить...

ПЕРВЫЙ: А надо ль? (Смотрит на верхние звенья.) А если в верхнее... вон туда? Там вроде поместится...

СЕКРЕТАРЬ: А нам на подоконник лезь, включай-выключай? Нет, батя, — надо. Ломай. И не то ломали.

ПЕРВЫЙ: Ну, мы люди подневольные... (Второму.) А купца, говорят, прям тут и кокнули. (Показывает вниз.)

ВТОРОЙ: Это где?

ПЕРВЫЙ: А в подвале. В своём.

СЕКРЕТАРЬ: И кто? Грабители?

ПЕРВЫЙ: Не, это уж в гражданскую. Сам Цвиллинг, сказывали... (С сожаленьем смотрит на раму.) Ломать — не строить, глядите...

СЕКРЕТАРЬ: Давай, батя, ломай... Кондиционер там, в коридоре. Всё ясно? И чем быстрей, тем лучше. (Идёт к входу, Иванов следует за ним.) А вы к кому — ко мне?

ИВАНОВ: Да вот, заявлению привёз...

Входят в кабинет, секретарь плюхается за свой стол, бросает на его стекло визитку.

СЕКРЕТАРЬ: Ф-фу, скотство... ну и жара. Свет, никто не был?

СЕКРЕТАРША: Вот папаша к вам...

СЕКРЕТАРЬ: Тэк-с. Ну-ка, что у вас? (Берёт, читает.) Ага. А-га... (Посунул очки на переносице, весело посмотрел.) А быстро вы, однако, работаете... Вот уже и Беленький оформил, принёс... (Кивает на папку, лежащую на столе.) Только что был. Всё честь по чести оформил, состав налицо, передадим следствию. Давно у нас сто шестьдесят третьей не было, давно... Значит, водится ещё рыбёшка?

ИВАНОВ: Да откуда я знаю, товарищ... Сами видите, как получилось...

СЕКРЕТАРЬ: Ничего пока не вижу. (Перечитывает.) Тэк-с... «Когда начал тянуть, на перетяге оказался осётр снулый, я его вынул, не бросать же данную рыбу в воду...» Н-да-с, перлы... «А я не ловил, он попал нечайно, я сам не знал. И пьяный не был, потому что как таковой непьющий и в пьянстве замечен не был...» (Хмыкнул.) Слышь, Свет: «тем более с утра...»

ИВАНОВ: Чего уж смеяться... Мне не до смеху.

СЕКРЕТАРЬ: Я не смеюсь, я читаю ваш документ. Тэк-с... «А я не сопротивлялся, просто обидно стало, что меня винят в государственном воровстве...» Та-ак, дальше... «мне сказали, что если не подпишу акта, то будет ещё хуже, то есть угрожали. Тогда я подписал акт, что ознакомился, в чём сейчас отказываюсь, так как не хотел подписывать акта...» Сплошной акт... «Прошу разобраться и помочь мне, иначе пострадаю как невиноватый. И арестовывать меня не надо, никуда я не убегу...» Та-ак, подпись... А дата?.. Дату поставьте. (Даёт Иванову ручку, тот пишет.) Что ж, следствие покажет.

ИВАНОВ: А может, не надо, это... следствовать-то? Авдеенко сказал, что, мол, и сами можем разобраться, на товарищеском. Тут и так всё ясно...

СЕКРЕТАРЬ: Ясно?! А я бы не сказал... А для него вот (кивает опять на папку) другое ясно. Со стороны посмотреть, та все вы правы. Следователь и разберёт. Тем более что вам тут инкриминируется и нападение в пьяном виде... впрочем, нет ещё, не инкриминируется, но будет. А вы говорите — ясно...

ИВАНОВ: Да не был я пьяным и не нападал, я тольки...

СЕКРЕТАРЬ: А этого я не знаю. (С улыбкой и долго смотрит на Иванова.) Значит, ждите. (Кладёт заявление в папку, всем своим видом давая знать, что разговор окончен.)

Иванов выходит. Оба мужика всё это время делали своё дело:

Первый замерял складным метром, Второй записывал, обговаривали дело, но негромко, чтоб не мешать разговору в кабинете. Выходит в коридор, захватив какие-то бумаги, и секретарь.

ПЕРВЫЙ (появившемуся на улице Иванову): Что, брат, туго? (Иванов не отвечает.) С ними так, только свяжись. У нас отвес, а у них, как в тёмной лавке, обвес...

ИВАНОВ (долго, как-то заторможенно ищет папиросы, закуривает наконец): Не в них дело... они — дело десятое.

ПЕРВЫЙ (удивляться не торопится): Десятое?

ИВАНОВ: Ну, не десятое, а... Не в них главное.

ПЕРВЫЙ: А в чём?

ИВАНОВ (помолчав, думая о чём-то своём): А в нас... В нас.

Поворачивается и уходит. Мужики несколько озадаченно смотрят ему вслед.

Картина десятая

Фойе районной гостиницы — полутёмное, полупустое: конторка с надписью «Приём документов» и табличкой «Мест нет», старый дерматиновый диван из тех, что зовутся «клоповниками», на нём куча связанного в узлы грязного постельного белья. Прямо дверь с надписью «Директор», направо — лестничный пролёт на второй этаж.

Входит Иванов, осматривается, но обратиться не к кому, в фойе пусто, только из-за двери слышен невнятный разговор, иногда смех. Поколебавшись, он подходит к ней, но дверь сама открывается, выглядывает Гришанькина — полногрудая, накрашенная, с белыми пышными волосами, в синем рабочем халатике. Она ещё улыбается, за ней виден в кабинете тоже улыбающийся, что-то рассказывающий ей Беленький.

ГРИШАНЬКИНА (с остывающей улыбкой): Вам что здесь?

ИВАНОВ (суетливо показывает, он явно рад, что так удачно застал на месте Беленького): Да вот... товарища.

Гришанькина вопросительно оглядывается на нахмурившегося Беленького, смотрит опять на Иванова — уже с неудовольствием, молча закрывает дверь. Иванов некоторое время стоит перед закрытой дверью, потом идёт к дивану, садится в его свободный угол. Откинувшись на спинку, прикрывает глаза, поминутно вытирая пот мокрым комочком платка, вид у него совсем больной. Опять возникает, то усиливаясь, то спадая — некими бредовыми волнами — звук цикад. Наконец дверь открывается, выходит Беленький.

ИВАНОВ (поспешно встаёт, делает шаг-другой к лестничной площадке, куда направляется Беленький): Здравствуйте. Я вас тут вот жду...

БЕЛЕНЬКИЙ (дёрнув губой, приостанавливается): А меня и не

надо ждать, зачем я вам. Всё, кажется, сказано... (Сощуренными глазами оглядывает его.) Я не хочу больше с вами разговаривать.

ИВАНОВ: Да что уж так-то... Я всю жизнь работал, хлеб растил...

БЕЛЕНЬКИЙ: Меня это, знаете, меньше всего касается. Я имею факт, что вы нарушили закон, который мне... выполнение которого я обязан наблюдать, вот так. Вы нарушили, я увидел и доложил — что тут сделаешь? Я обязан доложить, я за это, извиняюсь, зарплату получаю. Ну а суд решит. (Смотрит, губы его сложились презрительной скобкой.) А вы, очевидно, опять подшофе...

ИВАНОВ (не понял): Это как?

БЕЛЕНЬКИЙ: Ну, выпили — так?.. Нет?

ИВАНОВ: Что вы, зачем это я буду... Приболел, это верно... простуду схватил где-то.

БЕЛЕНЬКИЙ: Простуду, говорите? (Иванов доверчиво кивает.) Простуда, понимаете... Нет, мне нечего сказать вам. До свидания.

ИВАНОВ (просительно): Товарищ Беленький, я прошу... Истинный вам крест говорю, не моя снасть, знать о ней не знал. Как я сразу-то не зацепил, дивлюсь, — ить всё утро около рыбачил... А под конец, возьми ты, зацепилось. Ну, и... пожалел свою леску, шнур вытаскивать стал...

БЕЛЕНЬКИЙ: А может, не только леску? Может, уловом каким на перетяге поживиться хотел?

ИВАНОВ (не сразу, но решившись, искренне): Был грех... Как на духу сознаюсь — был... За то и кляну себя!

БЕЛЕНЬКИЙ (торжествующе): Ага... вот! А то — «хлеб растил», «трудился»... Так и скажите сразу, что рыбки урвать захотели! (Гришанькиной, глядящей из двери.) Вот вам, пожалуйста — как вам это нравится?! (Иванову.) А перетяг вы своим признали — там, на берегу. И нечего теперь говорить!

ИВАНОВ (опешивший): Да истинный крест...

БЕЛЕНЬКИЙ: Не надо мне никаких крестов, зачем? Вы взрослый человек, сами говорили, что много работали, — и такие слова! Какой крест? Кто нарушил закон, вы или я? А теперь вы мне говорите, просите, помятые с перепою и... Вы посмотрите на себя!

ИВАНОВ: Какое — с перепою... ить болею. К вам ехал...

БЕЛЕНЬКИЙ: Не надо было никуда ехать, я вам всё сказал. (Обходя его и поднимаясь по лестнице, несколько нервно.) А суд рассудит. И нечего просить, Москва слезам не верит.

ИВАНОВ: Так я же к вам как к человеку — а вы что?! Неужель понять нельзя?..

БЕЛЕНЬКИЙ (поднимаясь): Нельзя и не хочу. Это, извиняюсь, прерогатива суда, вот пусть он и понимает. До свидания.

ИВАНОВ (хрипло): Нечистый ты человек. (Сплюнул вслед, повернулся и пошёл к выходу.)

ГРИШАНЬКИНА (неожиданно выскакивает, вся в возмущении): А что это вы тут безобразничаете? Что ты расплевался здесь — дома, что ль?! Ты дома жене плюй, нелюдь... убирать ещё за тобой! Напьются, оскотинеют, приличным людям от вас покоя нет. Муж-чина... Проваливай давай!

ИВАНОВ (оборачивается, смотрит мутно и недоумённо): Да ты что, тётк... Ты подожди... чево ты кричишь?

ГРИШАНЬКИНА: Тово! Проваливай, говорю, дома себе плюй! А то милиция живо разберётся. (С ненавистью.) Нелюди! Шатаются по задворкам, бутылки друг за другом собирают... бутылошники! Плевки твои поганые буду подтирать... ещё чего не хватало!

БЕЛЕНЬКИЙ (с верхнего пролёта — он, оказывается, ещё не ушёл, слушает там): Ничего, ничего... пусть уходит. Бросьте, Антонина Фёдоровна, зачем это вам.

ГРИШАНЬКИНА: А я вот милицию сейчас, она рядом... чтоб знал! Проходу от них нет, дожили, на улицу хоть не выходи!..

Иванов, поначалу даже растерявшийся от этого напора ненависти, хочет уйти. Но что-то в этом крике задевает его, останавливает; он опять мутно, тяжело смотрит на неё, делает к ней шаг, другой.

ИВАНОВ: Ты вот что... (Гришанькина дрогнула.) Ты если счас не замолчишь, я... Пожалей себя. Ты дура, а кричишь. Нельзя так.

Выходит, грохнув дверью. Гришанькина молчит.

Картина одиннадцатая

Горница Ивановых. Всё както сдвинуто, смещено в её привычном быте, на всём — тень нависшей беды. Иванов лежит на диване, в изголовье на столе посуда, лекарство — всё, что сопровождает болезнь. Аксинья мечется по комнате, наспех приводя всё хоть в какой-то порядок.

ИВАНОВ (скрипучим больным голосом): Ну, что там Авдеенко?..

АКСИНЬЯ: Да подожди... сейчас всё расскажу. А то зайдёт Пётр Германович — стыду не оберёшься. Ить врач, а они чистоту любют... Вот доброхотный человек Пеннер, что тут скажешь... Обсказала ему всё, а он: что ж, мол, вчера-то не вызвали? Ругал дюже. Да, говорю, он уж вечером из райцентра вернулся-то; пока то, пока сё — и вовсе припозднились, что вас беспокоить было... А мне, грит, за это зарплату платют. (Расстилает половики.) А Авдеенко, он што ж... он хорошо отнёсси. Уж и с

Красавиным переговорил, тот как председатель колхоза характеристику пообещал хорошую... (Оглядывается на стук калитки за окном.) Батюшки, никак он?!

ИВАНОВ (раздражённо): Батюшки, матушки... что ты распрыгалась? Он так он, что тут такого...

АКСИНЬЯ (с некой боязнью): Да как же-ть, врач всё-таки.

Входит Пеннер — высокий сухой старик, из поволжских немцев.

ПЕННЕР: Здравствуйте этому дому. Значит, болеем? А что ж молчим? Молчаньем болезни не вылечишь... (Садится на стул у постели Иванова, кладёт на колени свой чемоданчик.)

ИВАНОВ: Здравствуйте, Пётр Германович. Да вот... Думали, само пройдёт, а оно не проходит...

ПЕННЕР (достаёт из чемоданчика стетоскоп): В вашем возрасте на «само пройдёт» особо рассчитывать, знаете, не приходится... Хуже стало? (Тимофей и Аксинья с удручённой готовностью кивают.) Что ж, послушаем. Ну-ка, снимайте ваши манишки-штанишки... (Иванов садится, стягивает майку. Пеннер начинает прослушивать.) Так... Дышите. Глубже дышите, но не торопитесь. Та-ак... Ещё. Температура большая ночью была?

ИВАНОВ (пытается шутить): Плюнь — зашипит...

ПЕННЕР: Ещё дышите. Н-да... Бред был?

ИВАНОВ (признаётся, но словно через силу): Было дело... Замучил, Пётр Германович...

АКСИНЬЯ (горестно): Ох, чего я только не наслыхалась за ночь!.. Совсем плох, Пётр Германович...

ПЕННЕР: Н-да... (Аксинье.) Вам бы большое а-та-та надо сделать, что не вызвали меня вчера... Тем более что есть по чему. (Аксинья заливается румянцем, опускает глаза. Пеннер выдёргивает трубочки стетоскопа из ушей, бросает его в чемоданчик.) Н-да... Это называется абсцидирующая пневмония. Будем вызывать «скорую» — и в район... (Иванов натягивает одеяльце, молча мотает головой.) Что, чем недовольны — болезнью? Болезнью никто никогда не бывает доволен.

ИВАНОВ (сумрачно): Не поеду. В район не поеду, нельзя. Пусть фельдшерица тут колет... скажите ей, пусть приходит.

ПЕННЕР: Ну, мне лучше знать, где и как лечиться, оставьте свои капризы.

ИВАНОВ: Не капризы это... нельзя мне! (Чуть не плача.) Что ж мне просить-то всех вас приходится?! Куда ни сунься, везде проси... Что я задолжал-то вам всем, не пойму?! Иль я что, не так живу, мало работаю? «Хозяином» зовёте... что ж я вас, обслугу, умаливаю хожу, упрашиваю, все пороги обил?.. Изоврались, слова без вранья не скажут... Не поеду я в эту казарму, зачем

мне. Мне тут надо быть, по делам всем... тута, нельзя уезжать, оставь меня здесь!

ПЕННЕР (смутившись): Ну, хорошо, хорошо... не будем. Хорошо, я ей скажу. За таблетками пусть она (кивает на Аксинью) придёт, хорошие таблетки есть у меня для вас. А прокурору я позвоню… я слышал всё ваше и, уверяю вас, не верю, что вы... Нет, не верю. А прокурор здравый мужчина и должен понять. Да кто мог поставить его, это... э-э... орудие? Это же варварство.

ИВАНОВ (отворачиваясь к стенке): Господи, да откуда мне знать...

ПЕННЕР (Аксинье): Ну, за рецептами-лекарствами можете идти сейчас со мной. Или чуть позже зайдёте в больницу, как освободитесь... А вам, Тимофей Василич, строгий постельный режим — никаких променажей, сквозняков, ничего холодного или слишком горячего... (Встаёт, захлопывает чемоданчик.) И, знаете, поменьше волнений... ничего, разберутся. Ничего, не старые времена — (со вздохом) хотя, знаете, и новостей не много... Волнение — союзник вашей болезни, вы меня хорошо поняли? Вот так. А я буду заходить. (Несколько чопорно кланяется.) Выздоравливайте. (Уходит.)

АКСИНЬЯ (проводив врача): Что уж ты так с ним, Тимош... Он-то при чём?

ИВАНОВ (тихо, в стенку): А кому я ещё скажу... кому могу?

Аксинья выходит ненадолго. Тимофей так и лежит лицом к стене. Слышны становятся цикады — монотонные, негромкие, на одном уровне, они сопровождают всё последующее. Аксинья возвращается, в руках у неё кружка горячего молока.

АКСИНЬЯ: Ну-ка, попей... Попей, я с медком его, а то ить ничего не ешь, рази так можно... Сил-то откуда возьмёшь на болесть?..

ИВАНОВ (с трудом поворачивается, пьёт через силу, то и дело останавливаясь): Ты расскажешь иль нет? Авдеенко... что он?..

АКСИНЬЯ: Господи, запурхалась и совсем забыла... Да-к вот, пишут они характеристику в колхозе хорошую, Авдеенко сказал: мы уж постараемся... Не, он там всех поднял! Уж и в район звонил кому-то, начальнику какому-т... не помню, какому. И бумагу прокурору составил, прям при мне. Дескать, так и так, человек проверенный, тридцать уж один год как работает у нас, промашек николи не делал, грамоты одни... Я-шш подсказала: ударник, мол, уборка ли, посевная — без премий не живём... Ну, и всё такое. А коллектив ручается и, значит, со всей душой готов взять на поруки, на всю ответность, значит. Мол, верим ему...

ИВАНОВ (не сразу понял, чуть ли не бросил кружку на стул): Подожди, как это... На какие поруки? (После паузы.)

Вот и помогли, спасибо... Зачем на поруки-то, я что ж — виноват?.. (Обессиленно.) А-а, да делайте что хотите, сажайте с глаз долой... Видно, не отвертишься — процентуйте...

АКСИНЬЯ (испуганно): Да-к рази не так надо было?

ИВАНОВ: А как хотите... Виноватых тока на поруки берут — ну, значит, виноват... Виноват, и без вас знаю. Другие вон за жизнь обеимя руками держутся, а... А я забыл, выпустил. На дармовщинку загляделся... а она и махнула. Так и надо, дураку... (Ожесточённо.) Так и надо-ть!..

АКСИНЬЯ (растерянно): Да Тимош... да что уж ты себя так...

ИВАНОВ (не слушая её, с собой): Свово не уберёг... другие, думаешь, его беречь будут? Как не так, жди... (Отворачивается к стене.) Не, не дождёшься. А жизнь своё... свой процент стребывает. Она стребует...

АКСИНЬЯ: Тимош, ты уж потерпи... я счас! Я за лекарствами счас, и к Авдеенке забегу, я скажу... Конешное дело, ить не виноват. Ить случай такой...

ИВАНОВ (бормоча): А-а, у нас всё случаи... (С тихим ожесточением опять.) Что ни возьми — всё на случай валим... а нет бы на себя оглянуться. Сами дурные. Своё не разумеем, вот и процент... (После паузы, сломленным голосом.) А сыну... что я сыну скажу?.. Стыд. Стыд...

АКСИНЬЯ: Пошла, Тимош, побежала я... Счас, ты потерпи! (Хватает сумку и торопливо, с боязливой растерянностью оглядываясь на мужа, уходит.)

Трели цикад, бессонные, нарастают, свет понемногу гаснет, оставляя слабо освещённым диван с неподвижно лежащим, отвернувшимся к стенке Ивановым. Цикады достигают пронзительной, уже надсадной ноты, Иванов — то ли в безысходности, то ли в бреду — мечется на постели. Свет гаснет совсем. В это время все декорации убираются. На другом конце сцены почти одними силуэтами возникают Авдеенко за своим столом и стоящая перед ним, что-то пытающаяся рассказать ему Аксинья. Пробивается, становится различимым голос Авдеенко.

АВДЕЕНКО: Ничего, ничего... Мы знаем, что делаем — учены. Это пусть с Крохалёвым он разбирается, кто виноват. А нам человека вызволить надо, вот наша задача, и здесь, понимаете ли, все средства хороши, да!.. Всё вам, понимаешь, как детям, объясни, расскажи... Наш человек, всё на нас падёт, если что; надо выручить — так поставлен вопрос...

АКСИНЬЯ (растерянно): Да-к ежли не виноват... Переживает дюже...

АВДЕЕНКО: А я говорю, нам виднее. Не покаешься — в рай не попадёшь... Да и вообще, что за ребячество: виноват, не виноват?!

Иди домой и жди, а его успокой, мы тут смотрим... Лишнего времени, понимаешь, ни минуты, людей на веточный корм собираем, бумаги тут всякие... но смотрим, сам смотрю! Так что иди, иди...

Свет уходит с фигур Авдеенко и Аксиньи на другой конец сцены, высвечивая лежащего уже не на диване, а на больничной койке Иванова под каким-то грубошерстным серым, на тюремное смахивающим одеялом. На табурете у изголовья сидит, нависая над ним тучной фигурой, следователь Логунов — с грубоватым властным лицом и неожиданно проворными при его тучности руками, в которых блокнот и ручка. Он быстро, не глядя на страницу, записывает показания, всё его внимание сосредоточено на подследственном.

ИВАНОВ (слабым, каким-то надтреснутым голосом): Да не насильственное... он вам сам скажет, что ничего там... Ну, погорячились, мало ль...

ЛОГУНОВ: А он уже сказал, заявление Крохалёва в деле. А моё дело, как следователя, опираться на документ. Вы сейчас как — в состоянии отвечать на мои вопросы, рассказать всё, как было?

ИВАНОВ: В состоянии... Да неуж подал?

ЛОГУНОВ: Подал, заявление приложено к материалам товарища Беленького и датировано... (Перелистывает бумаги под блокнотом, смотрит.) Датировано днём вашего, мягко говоря, происшествия. Приступим к вопросам?

ИВАНОВ: Да-к он вгорячах это...

На другом конце сцены высвечивается совсем слабым светом сидящий на своей скамье в глубокой задумчивости Старик.

ЛОГУНОВ: А это уж я не знаю, да, признаться, и знать не хочу... документ есть документ. Да, чуть не забыл... (Глядя в сторону.) Будет вам известно, что по этим двум статьям, вылову ценной рыбы и насильственному действию по отношению к должностному лицу, закон предусматривает... В общем, вам грозит срок до семи лет, по совокупности статей, разумеется... я имею в виду лишения свободы. Это, конечно, при том условии, если статьи будут использованы в полную свою силу. Дело, как видите, серьёзное.

ИВАНОВ (изумлённо, ещё не веря): Да вы что? Война четыре года шла... (Поняв, наконец, что с ним не шутят, дрожащими губами.) Вы что там все... с ума посошли?

ЛОГУНОВ: С ума сошли?! (Встаёт, делает несколько шагов вдоль койки, возвращается, останавливается над ним.) Да нет, не сошли мы с ума... Ну, ладно, об уме надо было раньше думать. Ладно. Не верю я особенно, чтобы вы... (Доверительным тоном.) Будьте откровенны, и я вам обещаю, что никаких семи лет, конечно же, не будет. Но всё это

к тому, что дело тем не менее оч-чень серьёзно, улики налицо — серьёзные улики. И потом: зачем вам ещё надо было дебош в гостинице устраивать, не пойму... (С подкупающей грубоватостью.) Зачем ты туда-то, извиняюсь, припёрся после всего этого?!

ИВАНОВ (отсутствующим голосом, он всё ещё опешен): Какой дебош?

ЛОГУНОВ: Как это — какой?! Такой. Беленький с директрисой гостиницы, Гришанькиной, вслед делу ещё настрочили... Что пьяный был, безобразничал; жалко, мол, милицию не успели вызвать... Зачем это-то ещё на себя вешать?

ИВАНОВ: Да товарищ Логунов... Да ведь врут они всё — бессовестно! Где ж я дебошил, какой пьяный, когда утром встал — ветром качает... Мине потом врач изругал всего...

ЛОГУНОВ: Ну ладно — разберёмся... дай срок. Давай рассказывай — и, знаешь, без этих... без всяких. Без версий — ты меня понял? (Глядит на часы.) Давай, а то меня машина ждёт...

Звук цикад усиливается, заглушая их разговор, свет, освещавший Иванова со следователем, гаснет; чуть высвечен лишь Старик, неподвижно согнувшийся на скамье. Появляются, всё тем же ночным светом сопровождаемые, Аксинья и Катерина, разговаривают на ходу. На середине сцены останавливаются.

КАТЕРИНА (продолжая): ...ить ничо ему не скажи, как цепной стал! Кидается прям. А всё начальник этот... Мой-то уж собрался было: всё, в район еду, заберу, мол, эту заявленью свою... А тут брёх на дворе, машина приехала. Беленький приехал этот. Ходит, нюхает. Я, грит, со следователем виделся... что это, мол, на попятный ты собрался? Как это — заявленью забрать? Она уж, мил друг, не твоя — государственная стала, по всем бумагам прошла. И ты мне дела не порти, свою должность выполняй давай, нечего перед сельскими хвостом вилять... И так эт насел на мово — спасу нет! А ить надоедный какой — и зудить, и зудить... как гнус на болоте. Павлушка ему уж и добром, и... не-ет, ни в какую!

АКСИНЬЯ: Да как ж-ть он узнал-то?

КАТЕРИНА: Да-к следователь продал, змей... Мой-то когда ещё у него попросил, заявлению-то... а тот: нету, мол, при себе, в район приезжай. А туды ж не каждый день ездишь. Я уж, Аксют, и посылала его, а тут как на грех в лесхоз надо было за сенами — дня, чай, два проколготились с сеном, а тут братнин сын его приехал, учёный дюже, — сто лет не видались... Ну, Беленький и запередил. Ить и приезжает-то — как домой: и то ему не так, и это не этак... Всё-то нюхает, ковыряет, что ни подай... а сам-то? Тока и добра, что вид держит, а от самого как от козла завсегда воняет, продыху нет...

АКСИНЬЯ (упавшим голосом): Так что ж нам — пропадай теперь?..

КАТЕРИНА (виновато): Уж не знаю, Аксют... На суде мой хочет отказаться — да-к позволют ли? Уж если здесь рот затыкают, то в суду и вовсе. Там правду нам искать — как блоху в овчине... Господи, и что за проклятая работа такая — как цепные... Живём — людей не видим, слова не слышим, сольцы не у кого перехватить; а рази так бы надо?! И зачем тока согласились, уехали со старого места?! Ить в Подстепках мы людьми были, у дела — а тут? Так, пришей-пристебай... Не-е, разлучу я его с этим козлом, лишёнкой средь людей не буду — пущай в лесхоз вон идёт, пока зовут... Вот ить одарил чёрт судьбой — ни себе, ни людям!..

Уходят. На том месте, где стояла койка Иванова, в пятне света возникает сидящий за канцелярским столом Секретарь, перед ним стоит Аксинья с кирзовой сумкой «колхозницей» в руках. По-прежнему в стороне виднеется Старик.

СЕКРЕТАРЬ: Свет, ты не знаешь, где дело этого... ну, Иванова? Совсем замотали меня, с-скотство, за Ваньку держат!.. (Шарит в столе, раздражённо стучит ящиками.) Свет?! (В ответ ему молчанье. Аксинье.) Ну это теперь у Логунова всё, а тайну следствия я, извиняюсь, разглашать не могу, придётся вам потерпеть до суда.

АКСИНЬЯ (умоляюще): Так уж и так натерпелись, товарищ, — ноги не держут... Уж вы пожалейте нас...

СЕКРЕТАРЬ: Жалость, конечно, дело хорошее — но что я могу? Есть ещё закон. У вас своя правда, у Беленького — своя. А есть ещё правда закона, большая, которая все наши правды объединяет в себе, вы понимаете меня? И мы сидим здесь для того, чтоб ваша маленькая правда не помешала большой, не вязала ей руки... иначе ведь анархия будет и больше ничего.

АКСИНЬЯ (неуверенно): Да-к я не знаю... правда — она и есть правда. Как же-ть она сама себе может мешать?

СЕКРЕТАРЬ (поучающе): Может, да ещё как!.. Виноват ли, не виноват — а рыба-то поймана? Государство понесло убыток? Понесло. А вы её, эту рыбу, конечно съели бы, не будь инспекторов... ведь съели бы? (Аксинья молчит.) Съели. Вот вам и ваша правда... Ну а суд будет, если не ошибаюсь, тринадцатого — ориентировочно, конечно.

АКСИНЬЯ (растерянно): А этот... а товарищеский если? Авдеенко ить говорил...

СЕКРЕТАРЬ: Ну, это уж проехало давно. Что он, Авдеенко? Ну позвонил разок, отношение с характеристикой прислал, у нас такие характеристики и на рецидивистов пишут, добренькие все стали... Хлопотать надо было. А теперь делу дан законный ход.

АКСИНЬЯ: Да мы уж как хлопотали...

СЕКРЕТАРЬ: Значит, мало... Нет, теперь всё суд решит — суд! Считанные дни остались, так что ждите. И совет мой вам: не путайтесь у него под ногами, не ходите по райкомам-исполкомам, всё равно толку не будет... (С неожиданным раздражением.) А то таскаются, клянчат сами не зная чего, законы ищут... а закон — в суде! В суде, вы понимаете?! Суд решит!..

При этих его словах, вздрогнув, испуганно обернувшись на секретаря, растерянно начинает подыматься со своей скамьи Старик; немощно встаёт, выпрямляет согбенную спину, чуть ли не по швам опускает свои большие изработанные руки. И Аксинья отступает на шаг-другой перед этим раздражённым, не терпящим возражений голосом. Общее затемнение, звук цикад усиливается, доходя до своего апогея. И сквозь него где-то вдалеке звучит нервически требовательным высокий голос: «Встать, суд идёт!..»

В темноте слышится через убывающие (но не стихающие) трели цикад дыхание и возня судебного зала. Слева высвечиваются неярко трибуна и стоящий в ней Беленький — почти задом к зрителям. Справа видны сидящие за длинным столом с бумагами судья и два заседателя, за ними угадываются на скамье подсудимых за барьерчиком Иванов и милиционер за его спиной. За трибуной далее сидит за столом с вещественными доказательствами — перетягом и пустой водочной бутылкой — адвокат Столповских. В самой глубине сцены угадывается внизу передний ряд сидящих в зале людей, при необходимости высвечиваемых софитами: Аксинья с Василием, Авдеенко, Крохалёв, Гришанькина. Всё это судопроизводственное действо проходит как какое-то наваждение, в котором то и дело выпирают такие видимые здравому уму со стороны казённая патетичность и столь же казённая мелочность в выяснении частных обстоятельств, напыщенная, напущенная на себя строгость служителей Фемиды, фальшивый культ закона — и, над всем этим, серая скука и монотонность работающего со скрипом и привычными перебоями примитивного механизма.

В этой сцене очень важны пантомимические способности актёров. Звуки цикад при необходимости то открывают, то заглушают речь действующих лиц.

БЕЛЕНЬКИЙ (выступает темпераментно, хотя речь его артикулирована с какой-то неправильностью, с множеством бюрократических штампов как смыслового, так и языкового характера; жестикулирует с охотой, с некой свободой «человека из области», речь его, наконец, становится слышна): ...Какая, товарищи, нужда, необходимость заставила его это сделать? Детишки голодные, отсутствие хлеба или

куска материи, чтобы которым прикрыть тело — хотя, замечу попутно, и раньше это никогда у нас не было смягчающим обстоятельством? (Поглядывает в бумажку, речь у него заготовлена.) Или, может, строжайшая диета, товарищи, когда ничего не дозволено, кроме как осетринку с икрой под водочку?! (В зале оживлённо хмыкают.) Чтобы похвалиться перед соседями своей удачей, излишествами... э-э... рациона? Так ведь и похвастаться, товарищи, нельзя — донесут! (Оживление в зале.) И уж, конечно, не по соображениям гурманства как навязчивой идеи — этот порок явно не для подсудимого... Тогда зачем? (Делает паузу.) Между тем факт браконьерства и неукротимой агрессивности по отношению к органам, включая и дебош в гостинице, здесь безусловен, знаете ли, и налицо, орудие (вытягивает, не глядя, руку в сторону стола с вещественными доказательствами) недозволенное и, более того, варварское, рыба ценнейшей породы (многозначительно поднял палец) — государственная, валютная рыба! — поймана и умерщвлена, хотя, как известно по извлечению из постановления пленума Верховного Суда нашего государства рабочих и крестьян, уголовная ответственность за производство рыбного промысла наступает независимо даже от того, была или не была поймана рыба — важно явное намерение... А, понимаете ли, недостатка ни в намерениях, ни в самих актах нарушения мы, товарищи, не испытываем: с мая месяца товарищем Крохалёвым обнаружено около полутора десятка хищнических всяких сетей и прочего... как вам это нравится?! И, таким образом, ваш район в нынешнем трудном году вышел по браконьерству на первое место в области, с чем вас (делает трагический полупоклон в сторону суда) и поздравляю!.. (Судья шевелится, крякает.) А где, спросите вы, хозяева этих сетей, перетягов, убийственных самоловов... да-да, убийственных, вы испробуйте искупаться, освежиться, так сказать, в месте постановки самолова — испробуйте запутаться в нём, вы же не вылезете никогда! А где хозяева?! Нет их. Настырен и хитёр пошёл браконьер, а тот же товарищ Крохалёв у нас один на тридцать вёрст, хоть и, безусловно, старается. Зачем же он тогда, опять спросите вы? Как это зачем, спрошу я как общественный обвинитель! Вот вам, товарищи, результат его работы: с большим, знаете ли, трудом, с ночами бдения, с борьбой выловлен браконьер (показывает рукой на Иванова, сам смотрит в бумажку), вот он сидит перед вами!.. Не какой-то там, понимаете, любитель красот природы, а самый настоящий, вооружённый неплохим-таки средством для антизаконного отлова и бутылкой для подогревания чувств, вооружённым тёмным умыслом человек, которого ночка кормит!.. А выловленный осётр при ближайшем рассмотрении оказался

маткой, то есть икрой... да-да, (поднимает палец) матерью! И главное тут даже не принадлежность орудия сидящему перед вами преступнику...

СУДЬЯ (он в сильных очках, придающих ему вид слепого, губы его скорбно поджаты; стучит ручкой по графику, Беленький недоумённо оглядывается на него): Минуточку... Я полностью разделяю ваш... э-э... пафос, но подсудимый пока что не преступник. Назвать обвиняемого преступником может только суд... в своём окончательном приговоре, разумеется.

БЕЛЕНЬКИЙ: Да, да... Но вы поймите и меня... поймите — нам трудно! Все ловят рыбу, а кто ловит — неизвестно... Так вот, совсем не важно, кому принадлежит искомый перетяг, хотя следствием этот вопрос решён положительно и, так сказать, безоговорочно — ему! (Показывает на Иванова.) Главное, что преступление совершено. Совершено при отягчающих его обстоятельствах, и наш долг — наказать преступление, ответить на него имеющимся у нас ясным законом, ибо неприменение этого закона тоже есть своего рода преступление!.. (Судья дробно кивает.)

Речь Беленького заглушается взнявшейся трелью цикад, но ещё с полминуты он ораторствует, жестикулирует, призывает. Общее затемнение меняет оратора на трибуне, теперь это адвокат Столповских — серый сухонький человек, перетаптывающийся в трибуне как студент-троечник. Его выступление в защиту обвиняемого сухо и скучно, все, кроме Аксиньи и Василия, соловеют, меняются их позы, многие пытаются хоть чем-то занять себя: судья вертит себе в ухе и рассматривает, что на пальце осталось, Авдеенко глубокомысленно разглядывает свою трость, а один из заседателей успешно борется с дремотой.

СТОЛПОВСКИХ (читает, не глядя в редкую публику, изредка лишь поворачивая лицо к судье): ...более того, я убеждён, что в любом судебном разбирательстве речь прежде всего должна идти о человеке, о людях, об охране их прав и справедливости между ними, и любому суду это надо постоянно держать в центре своего внимания. Ибо человек есть самое наше большое богатство, который, в свою очередь, производит и богатства материальные. В исследуемом нами событии мой подзащитный может не всегда выглядеть достойно, но мы должны, мы обязаны со всею тщательностью, к которой призывают нас наши советские законы, рассмотреть и понять мотивы, которые двигали этим человеком — для меня несомненно честном, тридцать один год проработавшем на ниве, так сказать, хлебопашества, достаточно заглянуть в его характеристику. Итак, что мы имеем? Мы имеем субъективно честного, я бы сказал — порядочного человека, который...

Звук цикад на некоторое время заглушает его, зрители, как и в случае с Беленьким, видят пантомиму его выступления. Аксинья слушает, лихорадочно блестя глазами, с надеждой переводя взгляд то на судью, то на мужа, то оборачиваясь к Авдеенко. Василий смотрит исподлобья, он серьёзен и хмур. Беленький оживлён, деятелен — что-то записывает, живо слушает всякого, то кивает, то качает головой, скорбно прикрывая глаза, играет бровями. Лицо Крохалёва непроницаемо, но с каким-то тяжёлым выражением. Иванов сидит сгорбившись, лишь иногда взглядывая мельком на адвоката, косясь на жену и сына, на лице его застыло, если так можно выразиться, переживание позора.

СТОЛПОВСКИХ (продолжает): ...а кто видел, когда и как мой подзащитный вытаскивал данный перетяг и когда сматывал удочки — я имею в виду прямой, а не переносный смысл этого выражения? Никто, и следственные данные здесь, извиняюсь, расплывчаты, я уже об этом говорил. И кто из нас, интересно, выбросил бы в воду случайно попавшегося вот так осётра, к тому же уже... м-м... уснувшего? (Деликатно кашлянул, сделал паузу.) Нет, товарищи, моего подзащитного можно и нужно понять. Потом эксцесс этот, он ведь тоже хорошо объясним: тут, знаете, и страх со стыдом, и обида Иванова, что его винят в умышленном именно браконьерстве, и явная, товарищи, несдержанность рыбинспектора Крохалёва — очень это всё понятно, когда начальство становится свидетелем недосмотра подчинённого во вверенном ему деле. В результате такая вот цепь случайностей и недоразумений, человеческих слабости и гордыни как привходящих факторов, которые все вместе, соединившись и переплетясь, привезли моего подзащитного в нынешнюю ситуацию... А достигшее меня известие, что товарищ Крохалёв хотел забрать своё заявление о насильственных действиях Иванова по отношению к нему — разве это не доказательство обыкновенной минутной горячности вступивших в конфликт сторон?

БЕЛЕНЬКИЙ (вскочив): Позвольте, но эта соседская, знаете ли, психология, этот предрассудок не может... Я протестую!..

Судья стучит по графину ручкой, что-то назидательно говорит Беленькому о процессуальном этикете; тот горячится, масляно блестя глазами; вмешивается Столповских — одним словом, возникает некая казенная-язычная свара, заглушаемая цикадами. Иванов и Аксинья беспомощно следят за ней. Наконец, Столповских продолжает, некоторое время одной пантомимой.

СТОЛПОВСКИХ (читает): ...особенно обращаю внимание суда на социально-нравственную целесообразность предложения общественности, высказываемого здесь товарищем Авдеенко, о

взятии моего подзащитного на поруки — с тем, чтобы...

Затемнение, цикады. На трибуне Авдеенко — сосредоточенно, старательно хмурит лобик, рассказывает, разводит руками.

АВДЕЕНКО: ...никак, понимаете, не ожидали. Да если б знали, мы бы, конечно, незамедлительно приняли соответствующие меры как в обстановке в целом, так и в отношении отдельных лиц, проживающих на территории нашего сельского совета. И нашу просьбу о передаче на поруки мы можем подкрепить тем, что о нашей работе по борьбе с пьянством, алкоголизмом и хулиганством неоднократно говорил в своих выступлениях — положительно оценивая, хочу подчеркнуть (поднимает палец) — сам товарищ первый секретарь Целищев...

Затемнение, цикады. У трибуны, положив на неё руку, с последней репликой Беленький, предупреждающий и скорбный.

БЕЛЕНЬКИЙ (твёрдо, даже вызывающе): ...хочу, чтобы высокочтимый, как раньше говорили, суд понял: рыбнадзор, весь наш борющийся коллектив, отстаивая государственные интересы, в случае необходимости не остановится на одной инстанции и немедленно обжалует всякие попытки отвести правосудие от тех, кто покушается на государственный рыбный фонд. Иначе я, извиняюсь, не вижу смысла существования рыбоохраны вот так вот, со связанными руками. Это настоятельно прошу учесть.

Садится на своё место. Встаёт председатель суда.

СУДЬЯ: В соответствии со статьёй двести девяносто седьмой уголовно-процессуального кодекса РСФСР подсудимому предоставляется последнее слово...

Встаёт Иванов — враз осунувшийся, беспомощный, губы его ведёт. Смотрит на судью, на заседателей, на Столповских — верить им или нет. И оглядывается на своих, встречает какой-то исступлённый взгляд Аксиньи и хмуро-вопрошающий — сына.

ИВАНОВ: Не знаю, что и говорить... я не виноватый. Поймите моё, я ведь не хотел. А если засудите, то грех на вас будет... (Беленький кривится, протестующе, со стуком, откладывает от себя ручку, обращая тем на себя общее внимание.) У меня... всё.

Общее затемнение. Средь усилившихся цикад слышится голос председателя суда: «Суд удаляется на совещание...» и стук откидных сидений, отодвигаемых стульев и т.д. И тут же звучит всё тот же голос: «Встать, суд идёт!..» Шумок и покашливания зала сливается с трелью цикад и отдаляется. Справо на пустой сцене высвечивается сидящий на железной без матраса «дачке» Иванов. Он в белой рубахе, вся поза его повторяет позу Старика — еле угадываемого слева, в глубине сцены. Неслышно появляется Василий, останавливается

над отцом. Тимофей не сразу выходит из тяжёлой задумчивости, подымает голову, видит сына.

ИВАНОВ (каким-то внутренним, истинным своим голосом): Сын... Ты здесь? Зачем ты здесь?

ВАСИЛИЙ (тихо): Я пришёл к тебе, папань.

ИВАНОВ: Тебе нельзя быть здесь... нельзя видеть это.

ВАСИЛИЙ: Но почему?

ИВАНОВ: Не знаю... но нельзя. Рабом станешь.

ВАСИЛИЙ (с новой, неизвестной отцам решимостью): Не буду я рабом!..

ИВАНОВ: Наглядишься, глазами притерпишься — будешь... А я не хочу этого. Я всё тащился за ней, за жизнью, угодить ей хотел... а не дело это. Не дело. Своевольничать, через коленку её ломать — нет, этого не надо, гордынью с ней не сладить. Но и так, волоком, тоже не след...

ВАСИЛИЙ: А что надо, отец?

ИВАНОВ: Не знаю. Думать разве... да что может человек надумать — ну что?! Не-е, умом всё не возьмёшь... не досмотришь, не хватит на жизнь ума. Её понимать надо — этим (прижимает ладонь к груди). Чтоб и не перечить ей, и на поводу не идти. А не хватает этого — как будто бы-ть вынули... (Стукнул в грудь, уронил руку; скорбно.) Не хватает, сынок, вот беда...

ВАСИЛИЙ: Чего?

ИВАНОВ (задумчиво): Души, сынок... Души. Пуста, как не жил. Я вот всё думаю: неуж после нас люди жить будут?

ВАСИЛИЙ (с некоторым удивлением): Да что ж не жить им?..

ИВАНОВ: Не знаю. Испаскудились мы дюже... Дожили — сами себя не узнаём. Нет, сынок, иди... Нельзя тебе.

ВАСИЛИЙ (с оттенком обиды): Что, прогоняешь?

ИВАНОВ: Да как же-ть прогонять я могу... я прошу. (С болью.) Прошу, сынок! (Неожиданно для Василия сползает тяжело с кровати, становится на колени.) Уходи, за-ради Бога! Припозорил отца — хватит... Иди, жизня большая.

ВАСИЛИЙ (жалобно): Папань!..

ИВАНОВ: Иди, прошу! Тебя б, сынок, не было — и позору бы не было... Иди!

Василий смотрит, колеблется — и поворачивается, тихо уходит. Тимофей глядит, глядит ему вслед; и тяжело опять подымается с колен, стоит, смотрит под ноги. Высвечивается сидящий в глубине сцены — но не старик, а чем-то очень похожий обликом на Тимофея Иванова мужик в обношенных сбитых лаптях, в белой тоже рубахе-косоворотке — русский мужик. Тимофей проводит ладонью по лицу, поднимает голову.

ИВАНОВ (мужику): А, ты здесь...

МУЖИК (всё тем же безжизненным голосом): Здесь.

ИВАНОВ (медленно идёт, останавливается перед ним, смотрит): Что, тяжела жизнь?

МУЖИК: Тяжко.

ИВАНОВ (повторяет, как-то опустошённо): Тяжко... (Поворачивается, чтобы уйти.)

МУЖИК (поднимает голову, смотрит на зрителей): Что ж не спрашиваешь? (Встаёт.)

ИВАНОВ (после паузы): А что спрашивать... я и так вижу.

Стоят, смотрят друг на друга. Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Через три года. Декорации начала первого действия.

Сельский двор Ивановых, справный некогда, с частью дома и сенцами, позади сарай с дверью; всё в запущенном состоянии, шифер на сарае местами поколот, зияет дырами, валяются или приставлены к стенам какие-то доски и жерди. Справа в глубине невысокий плетень, за ним угадывается подворье Егоровны. Во дворе кособокий самодельный стол со скамьёй и парой табуреток. На заднем плане, за сараем, коньки других крыш, раздёрганная кленовая поросль и верхушка старой краснокирпичной церкви с полуободранным куполом на фоне закатного сентябрьского неба.

Слышен гул подъезжающего грузовика, хлябанье бортов, затем визг тормозов; мотор его чихает и замолкает.

ШОФЁР (за сценой): Всё, шабаш — приехали! Греется мотор, м-мать его... (Выходит на авансцену с резиновым, сделанным из куска камеры, ведром.) Где тут вода-то? Накипи что ль до шута... ничо не пойму!

КОЛЫХАЛОВ (входит, чуть прихрамывая, молодой, но уже тучноватый, представительный): Что тут понимать — весь радиатор остьём забит... Сколько говорить, чтоб продул? (Прогулочным шагом, осматриваясь, уходит в другую сторону.)

ДМИТРИЙ (за сценой): Давай, бабушка, слезть помогу... Та-ак.

ШОФЁР (оглядываясь на них, легкомысленно): Что, порастряс вам жирок-то?!

ЕГОРОВНА (входит, держась за поясницу; за ней следом идут Иванов и Дмитрий): Вот и дожиганился, милок! Не токмо жир — душу чуть не вытряс... (Копается в узелке.) Сколько ж тебе?

ШОФЁР: Э-э, нет, бабка... заготскоту будешь должна; как хочешь теперь, так и отмаливай долги наши! И без паники — доехали ж!

ДМИТРИЙ (ему тридцать с небольшим, в руках дорожный портфель; с запоздалым сожалением, негромко): В кабине бы надо мать, а не в кузове...

ИВАНОВ (он ещё ссутулился, небрит, запущенность в

одежде почти люмпенская; говорит каким-то тусклым голосом, иногда с раздражением): Да. А то всем раззвонили — бар у нас нет... Звоним, а они на шее.

ШОФЁР: Эт-да. Так что ж я Сергея Климыча, на верхотуру, что ль, пошлю?! Да и с ногой у него что-то не того. Это ведь нам, работягам, ничего не деется... заложникам бюрократии!

ДМИТРИЙ (иронически): Ишь ты как...

ИВАНОВ: Ни черта б ему не сделалось. (Сплёвывает под ноги.) Забыл, небось, на чьём хлебе вырос.

КОЛЫХАЛОВ (за сценой): Ты мой хлеб не трогай! (Выходит.) Не ты его растил, не тебе и говорить...

ИВАНОВ (глухо, раздражённо): Не я? А кто ж тогда, если не я? Папа твой, что ли — какой всю войну пером проскрипел, директиву из района давал, как кур щупать? Захребетники.

КОЛЫХАНОВ (с угрозой): Ну поговори, поговори...

ИВАНОВ: Поговорю. Небось скотину за Уралом, у казахов, за рупь десять скупаешь — а сдаёшь за сколько? Государству?.. И ты мне тут не щурься, гражданин Колыхалов, не у себя в заготскоту. Не в кабинете.

Колыхалов что-то хочет сказать, но, бормотнув сквозь зубы, выходит.

ЕГОРОВНА (сердито, полушёпотом): Надо было тебе связываться с ним... Пошто вот человека обидел? Бог ему судья.

ШОФЁР (с неожиданным раздумьем): Плохой, бабка, из Бога судья.

ЕГОРОВНА: Да я ничо, сынки, не говорю... А только всё ж Богу виднее, как и что. Мы ить всё знаем, а грешим, вот он и карает. Тижала рука Господня...

ШОФЁР: Да уж, Бог не микишка, как навернёт — так шишка... Ну, где у вас тут колонка? Вы-то приехали, а нам ещё в контору пилить...

ЕГОРОВНА: Да-к вон она, прям за углом... (Показывает, шофёр уходит. Иванову.) Да, а я и не спросила... что в район-то вызывали? Неужель что ещё хотят?

ИВАНОВ: Да так... документы.

ЕГОРОВНА: Хоть бы уж в покое тебя оставили, Тимош. Уж так-то треплют, как будто-й человека прибил... Ты б уж не перечил им, а то, глядишь, возьмут да ишшо...

ИВАНОВ: Кто им перечит. Никто им не перечит, нужны они!..

ЕГОРОВНА: Да-к я и говорю. Уж ты-то знаешь теперь, как с ними связываться... Не, с начальством надо обходительну быть — от греха подальше. Бабу тебе добру бы, нечего хозяйство (кивает на двор) зря потрошить...

ИВАНОВ (зло): Ещё чего! Мне и энтой... по гроб жизни! Как-нибудь перемогусь, не лезь.

ЕГОРОВНА: Так ить как-то надо, милок, — жить-то...

ИВАНОВ: Ничего мне не надо.

Егоровна вздыхает, поворачивается, чтобы идти домой, но замечает нерешительно осматривающегося Дмитрия.

ЕГОРОВНА: Тебе-то куда теперь, касатик? Это ить мы в дому, а тебе-то чужа сторона... Где ночевать-то собираешься?

ДМИТРИЙ: Где придётся, бабушка... Где примут, там и ночую, работа такая.

ЕГОРОВНА (в раздумье): Либо уж к нам тогда иди... Потеснимся, чай, со стариком — крещёные никак. Избы хватит.

ИВАНОВ (он уже с неохотой направился было к своему дому, но услышал, оглянулся. Неожиданно): А то ко мне... (С деланной усмешкой.) Так придёшь — гостем будешь, а ежели с этим... с винцом, так и за хозяина. Переночуешь, что ж...

ЕГОРОВНА (горестно): Кому что, а шелудивому — баня... Опять он за своё. Ты хоть бы передохнул маленько, ить не просыхаешь!..

ИВАНОВ (раздражённо): Всё б ты меня нянькала, старая... Тебе-то что? Ну посидим, эка беда... Мы ж не пьём, тока лечимся...

ЕГОРОВНА: Дрыном тебя, такого, лечить... (Дмитрию.) Вот он, весь тута. Уж вон зашла надысь, а у него и кровати большой нету, пропил, и дивана тож... Соседи мы с ним, стародавние (кивает на своё подворье). Рази ж так делают, Тимош, чтоб нажитое спускать, глаза людям тешить?!

ИВАНОВ (с неожиданной энергией): Всё-всё, Егоровна! Ты лучше, это... помоги погорельцам, что лишнее-то болтать. Огурчики там, помидоры... (Дмитрию.) Чего тебе, парень, искать где-то там... пошли.

ДМИТРИЙ (чешет в затылке): Что ж, спасибо... Спасибо, бабушка, на добром слове. Я уж у него переночую, что вас беспокоить! А с устатку можно, что ж...

Егоровна, качнув головой, уходит. Иванов и Дмитрий идут с авансцены к сеням.

ДМИТРИЙ: А хорошее у тебя поместье, жить да жить...

ИВАНОВ: Да, припозднились мы... это... с попуткой. (Дмитрий спохватывается, достаёт и даёт ему деньги. Иванов с заметной поспешностью идёт на выход, на ходу бросает): Располагайся, чего там... (Уходит.)

За плетнём проходит Егоровна, Дмитрий замечает её, окликает.

ДМИТРИЙ: Егоровна! (Подходит к плетню.) Тут такое дело... Из музея краеведческого я, ну и приехал всякую старинку у вас в Кузьминовке посмотреть — одежду, утварь разную, то-сё. Говорят, станица ваша богата была этим?

ЕГОРОВНА: Да-к когда — «была»? То расказачивали, то

раскулачивали... Слава богу — живыми остались. А то да-к не то что справу — головы не уберечь... (Замолкает. И, решившись, оглядывается и переходит чуть ли не на шёпот.) Прямо вон выводили, наших-то, — и к Уралу-батюшке, в Бесин овраг... там и решали. До-сё могилки не велят устроить. А ты говоришь.

ДМИТРИЙ: Постой, бабушка, да это когда? В девятнадцатом?

ЕГОРОВНА: Не-е, милок... в тридцатом. В феврале. Так уж лютовали-то, что прям без разбору... ну, Бог их прости. Да-к чего тебе?

ДМИТРИЙ (не сразу, сбивчиво): Ну, разную разность там... Обстановку, горшки-самовары там, прялки, лапти... что осталось.

ЕГОРОВНА (гордо): Мы в лаптях не ходили — мы работали!

ДМИТРИЙ: А-а... ну да. Так вот, посмотреть бы — у вас, у знакомых ваших. А мы б закупили, что подойдёт, не обидели бы. Пусть люди в городе видят, как вы жили.

ЕГОРОВНА (неопределённо): Да-а, жили... Да-к подходи завтра, я дома буду... А вы уж помене там, с Тимошкой-то. Сам видишь, горе-то какое — разве можно?! Одно слово — разор. Жена Бог-знат где, сын в сибирску сторону подался... только и добра, что дом ещё по брёвнышку-т не раскатали. А ить как жили-то они! Бывалоча, как улей гудело Тимофея Василича подворье, старым нам на радость. И хозяйка его — приветна была, что тут скажешь, да вот приветила не того...

ДМИТРИЙ: А что произошло?

ЕГОРОВНА (замявшись): Да как оно скажешь, про чужое... Ты-то, чай, образованный — вот и смиряй, не давай ему больно-то... А то к другому кому перейди на постой. Он хоть и смирный, когда выпьет, а по мне так все они, пьянчужки, одинаки... ото всех беда.

ДМИТРИЙ: Да мы ничего... мы немного. Поговорим, то-сё.

Входит Иванов, пазуха у него оттопырена, в руках буханка хлеба.

ИВАНОВ: Думал — не успею... успе-ел. (Егоровне.) Ты это... подбрось нам живности-то. Гость как-никак. (Егоровна уходит.)

ДМИТРИЙ: А я тут с ней насчёт старинных вещей всяких толковал. В музее работаю, приехал вот поискать. Найду что — осенью с закупочной комиссией приеду.

ИВАНОВ: А-а... Что ж, тоже дело. (Нетерпеливо.) Ну, где она там?

Появляется Егоровна, несёт в чашке помидоры, солёные огурцы; нагибается, выдёргивает из грядки несколько хвостов лука, подаёт всё это через плетень.

ИВАНОВ (несколько заискивающе): Дед Алёшка-то как — всё лежит?

Егоровна, не отвечая, уходит.

ДМИТРИЙ (негромко): С характером бабка!..

ИВАНОВ: Да мы все не без этого... Ну, давай.

Собирают на стол. Иванов приносит из сенцев стаканы и чугунок с картошкой «в мундире». Он явно не может сдержать нетерпенья, зубами срывает пробку, наливает. Они садятся.

ИВАНОВ: Ну, за стречу. Как тебя звать-то, за делом не спросил?

ДМИТРИЙ: Крестили Дмитрием. (Поднимает стакан, в который раз осматривается.) Да, хорошее место... Осточертел город. Я ведь тоже из сельских, бывших. Так у тебя что — и огород есть?

ИВАНОВ (нехотя махнул рукой в сторону сарая): Да там, за баней... Ну, давай!

Пьют, проголодавшийся Дмитрий налегает на еду. Иванов нехотя хрустит огурцом — ждёт, судя по всему, «повтора». Пьёт он тяжело, как бы через силу, пьянеет же быстро.

ДМИТРИЙ: Полное, так сказать, хозяйство: сараи, баня, огород...

ИВАНОВ: Да уж... была у собаки хата. Что, и картошка за милую душу пошла?

ДМИТРИЙ: Пошла-поехала. Погоняй лошадей, а то и её по моей голодухе не хватит. (Иванов наливает.) Что-то ничего я не пойму... что случилось-то?

ИВАНОВ (уходя от вопроса): Где?

ДМИТРИЙ: Ну, у тебя-то?

ИВАНОВ: Вон ты о чём... (Повертел бутылку, отставил; с кривоватой усмешкой.) Да я сам ещё толком не понял. Разбираюсь вот...

ДМИТРИЙ: Нет, вправду?

Иванов молча выпивает, выцеживает водку, занюхивает хлебом. Тяжело встаёт, выносит из сенцев пачку папирос, бросает на стол. Садится, закуривает. К этому времени закат сменяется на ясные погожие сумерки. Где-то начинает свиристеть полевой сверчок-цикада.

ДМИТРИЙ: Вообще-то понимаю: у каждого своя болячка, каждый свою трёт... что в душу лезть. Жёнка и у меня была, знаю... Даже захочешь если — десятой доли не расскажешь, не сумеешь, такое это дело...

ИВАНОВ (сумрачно): Эт-да... (Помолчав.) Да что, Митрий, случилось... завалилось к чёрту всё, вот что. (Обводит взглядом двор.) Развалилось, сгнило всё — а жить надо...

ДМИТРИЙ: Так уж и всё?

ИВАНОВ: Всё... (Откровенно.) Руки, Митрий, не лежат — хоть отруби да брось... Ну что я и кому теперь делать буду... зачем?!

ДМИТРИЙ: Сын-то пишет?

ИВАНОВ (заметно припьянев): Васька-то? Да пишет,

обещался побывать скоро... Старуха, небось, сказала? (Дмитрий неопределённо поводит головой. Иванов замолкает, потом всё-таки решается на рассказ.) Его там год откладывали в военкомате, а вот к октябрьским в армию теперь. А здесь, видите ль, не хочет жить — тоска, мол, ему... Будто их на этом БАМе пряниками кормят. Все уж давно оттуда, накричались — а он туда... (Усмехается.) Знаю я это, сам, чей, на ударной комсомольской пахал... «Тоска»... Да и то сказать: что вот мы с ним жить-то будем, как? Пить в два горла, что ли?.. (Замолкает. Трели цикад, тоскующие, безысходные, усиливаются.) В жизни, знаешь, как в диком поле — дорог много... иди куда хошь. А мне так не надо, не смогу. Пропаду, нельзя. Мне уж если дорогу, так одну, свою... чтоб с охотой я по ней шёл, вроде того, с раденьем. А без этого нашему брату, русскому, хана: иль, глядишь, сопьётся, или сбесится тогда, один чёрт...

ДМИТРИЙ: Да ты погоди хоронить. Глядишь, ещё наладится всё...

ИВАНОВ: А что годить? Я уж всё... чай я выпил, сахар съел. Это вам, молодым да нынешним, легко говорить, а тут... Жизню жалко, Митрий, вот что... как не жил. (Притиснул кулак к груди.) Жизню...

ДМИТРИЙ (задумчиво): Её всегда жалко: одно не сумел, другое не успел, третье... Третье сам не хотел, а пришли — заставили. Трепыхается, бедная... (С несогласьем.) Ну, ушла... да мало ль их теперь уходит? Что ж всем — в петлю?!

ИВАНОВ: Не о петле речь... Понять охота. Вот я жил, вроде того, работал, вот это всё (кивает на дом) наживал. Ну, Василий — это само собой... дочь ещё была, умерла маленькой, — ну и что? Произвёл — а сам в яму? На могилки — так, что ли?

ДМИТРИЙ: Ну, это ты с конца что-то начал... А серёдку что — выкинуть? Ну, когда хорошо всё было?

ИВАНОВ: А оно и не было очень-то хорошо. Ну, тянули от съезда до съезда... до перестройки. А у нас ведь как: одну беду отгребёшь — другая подваливает. Что, сам не видишь, как всё поворачивается? Не верю я всем этим начальничкам... так перестроят, что взвоем, вот попомнишь мои слова.

ДМИТРИЙ: Да вижу... Понимаю, горит у тебя (тоже прикладывает ладонь к груди), но ведь... Да что случилось-то?

ИВАНОВ: Да так — за рыбу деньги, как у нас гутарят... (Упёршись взглядом в стол, тяжело.) Плохое случилось, Мить, что ж ещё... Плохое.

ДМИТРИЙ: Егоровна что-то говорила тебе такое... с властями, что ль, не поделил чего?

ИВАНОВ: И с властями было... Всё было. Одного не было — добра...

Так и сидят: Иванов — уставившись невидящими глазами в стол, Дмитрий — вопросительно глядящий на него. Цикады усиливаются, свет сходит на нет.

Картина вторая

Кабинет Авдеенко. На стене — портрет Горбачева, но в отличие от обычных с пятном, с метой кроваво-красной, бросающейся в глаза. Хозяин подшивает в папку какие-то бумаги; дырокол заедает, и потому Авдеенко, собрав и подложив бумаги, бьёт по нему кулаком. Входит Дмитрий, хозяин вопросительно смотрит на него.

ДМИТРИЙ (с подчёркнутой уверенностью): Афанасий Григорич? Приветствую, приветствую... (Подаёт руку, оглядывая кабинет.) Кузовлёв, Дмитрий Петрович, областной краеведческий. Командирован посмотреть.

АВДЕЕНКО (с озабоченностью — впрочем, приветливой): Так это вы? Слышал, знаю, садитесь. Ну, как вам наша местность, люди? (Не дожидаясь ответа, несколько укоризненно.) С ночлегом вы поторопились, однако — да-с... Ну так вы бы к нам обратились, мы бы... Не беспокоит?

ДМИТРИЙ: Да нет, знаете... Наоборот, интересно было глянуть. Да, интересно, знаете ли. Все мы люди, все человеки — какая разница.

АВДЕЕНКО: Разница? Ну как: вы всё-таки культурный человек, с области, вам приготовить надо, отдых обеспечить, то-сё... Мы обязаны содействовать, наша задача... э-э... выполнять нашу задачу. И потом: как вы, наверное, уже знаете, он вернулся недавно из этого... вы в курсе дела?

ДМИТРИЙ (со значением): Да в курсе.

АВДЕЕНКО: Ну так вот, всё это не может не накладывать. Он вам что, рассказывал? (Дмитрий уклончиво повёл головой. Авдеенко обеспокоено глянул.) Нет? Одним словом, вот так... А жалко, работник был. И поверьте, мы все меры приняли, чтобы отстоять его, так сказать, взять на поруки там... не дали. И его посадили, и нам, понимаете, оргвыводы — неофициальные, конечно, за это официальные не дают; но, сами понимаете... (Разводит руками; наклонившись к Дмитрию, с неожиданной доверительностью.) Трудный, знаете, всё-таки человек. И работать разучился, и пьёт... какой уж месяц пьёт. С женой у него ещё это — а мы отвечай. Он ведь опять наш теперь — приняли, так сказать, по эстафете. Говорили уже с ним, меры пытались принять — нет, не помогает... Ох, народ! Глаз да глаз нужен с этим народом.

ДМИТРИЙ: Ну, раз уж о нём речь зашла — помогите ему трактор получить. Неужели ж не хватает для него? Никогда не поверю.

АВДЕЕНКО: У нас-то? (Поморщившись.) Да есть они у нас, дело не в том... На днях вот ещё два «дэтэ» подошли — есть... Но ведь новый-то ему не дашь. Старый — и то дать опасно, вдруг по пьянке опять что-нибудь содеет? Конечно, с предколхоза можно поговорить, но... А он что, сам выразил такое желание?

ДМИТРИЙ: В том-то и дело, и к председателю уже ходил. Я с ним говорил, и он, между прочим, многое понимает. (Категорично.) Нет, не надо бы тянуть с этим!

АВДЕЕНКО: Да? А со мной, знаете, молчит... Да, молчит, слова не добьёшься. Упрямейший человек, знаете, и анархист вдобавок... уж не знаю, как вам. Так вы полагаете?

ДМИТРИЙ (подстраиваясь под учрежденческий жаргон): Я полагаю, да. Работать он может. И, я убеждён, должен работать!

АВДЕЕНКО: Да? Ну хорошо... Я вам прямо скажу, сам так думал. Хорошо. Решение принято. А там посмотрим... да, поглядим. Цацкаться не будем, в случае чего, это наш долг. У нас государство, а не какой-нибудь бардак. Я даже сейчас могу позвонить. (Набирает номер, отваливается на спинку кресла и, сосредоточенно глядя куда-то в пространство, ждёт.) Алё, Катя? Катя, где там Сергей Николаевич? У экономиста? Да нет, пригласи. Попроси, да. Дело, без дела мы не звоним... (Дмитрию.) Красавин, предколхоза, Сергей Николаевич. Советую познакомиться. Сейчас как раз качка мёда закончилась... Алё, Сергей Николаич? Да, я. По делу. Помнишь, об Иванове говорили... да, о «зэке» нашем. Так я полагаю, что надо уже дать ему технику, пусть хоть на зябке попашет, потренируется, так сказать. Старые два освободятся... Как, уже решили? Когда? Ага, ага... Конечно, что он — первый раз замужем... Так и сказать ему? Ладно, поговорю, настропалю... Лады. Да. Ладно, заходи или пошли кого. Давай! (Кладёт трубку, довольный.) Ну вот, дело сделано. У нас, как видите, оперативно. Так и передайте Иванову. Впрочем, нет: скажите, пусть зайдёт сюда, я с ним сам... Ох, народ... ещё тот контингент, знаете. Ну а вы? Может, вы ещё по какому делу? (Мнётся.) А то из области по разным делам... э-э... прибывают: то, знаете, по заготовительной линии, а то и... (Смотрит нерешительно.) Бывает всякое. Из органов бывают. Я помогу, если что потребуется.

ДМИТРИЙ (не торопясь отвечать): Нет. Спасибо. У меня к вам только один вопрос.

АВДЕЕНКО: Да, я вас внимательно слушаю.

ДМИТРИЙ: Может, вы мне посоветуете, как местная власть: к кому тут можно зайти старинные вещи посмотреть? Нас интересует история, казачий быт, его

принадлежности... Дело нужное, государственное.

АВДЕЕНКО: Да-да, я понимаю... Нет. (Разводит руками.) Человек я приезжий, даже... э-э... городской, служил в гарнизоне — нет. Но постойте, посидите, я сейчас. (Идёт к двери, открывает её; из соседнего кабинета слышен женский смех, мужской голос басит что-то, и женщина опять заливается: «Ой, не могу-у!..») Нюшка! (Смех мигом смолк, наступает выжидающая тишина.) Нюшка, ч-чёрт!.. (Женский голос, ещё истомный от смеха: «А её уж нет, прибралась и ушла. А вы что хотели?» Авдеенко не отвечает, возвращается за свой стол.) Ушла, а жалко. Она бы вам порассказала, большой мастер на это дело.

ДМИТРИЙ: Кто — «она»?

АВДЕЕНКО: Да уборщица... техничка то есть. Мастерица болтать. Вы подождите, я её призову. Она вам все местные басни порасскажет.

ДМИТРИЙ: Да нет, не надо, я уже виделся с людьми, говорил, смотрел... Не надо, ладно. Не буду вас больше отвлекать. (Встаёт, ещё раз со значением оглядывает всё, смотрит за окно. Авдеенко обеспокоенно следит за ним.) Ладно. Командировку вы сами отметите?

АВДЕЕНКО: Да-да, это не вопрос... (Подышав на печать, с удовольствием пришлёпывает ею поданную бумагу, подписывает.) Приятно было познакомиться с культурным человеком... не каждый, знаете ли, день... (Провожает гостя к двери.) Заходите ещё, гостям всегда, понимаете ли, рады. Посодействуем.

Дмитрий выходит, кивнув небрежно. Авдеенко закрывает дверь, некоторое время стоит, хмуря брови, пытаясь думать. Ни до чего не додумавшись, недоумённо пожимает плечами и идёт к своему столу.

Картина третья

Двор Ивановых. За столом с остатками ужина сидят Иванов и Дмитрий, порядком подвыпившие. Судя по всему, они пьют второй день, в них чувствуется уже некая усталость. Дело опять идёт к вечеру.

ДМИТРИЙ: Тимофей Василич — плюнь!.. Как-то жить всё равно надо, за нас никто не будет. Сама-то по себе она ничего, жизнь... прячется только вот, хоронится от нас. В прятки свои хреновые играет.

ИВАНОВ: Я понимаю. Вот о-очень всё понимаю!.. (Приложил кулак к сердцу, прижал — и не выдержал, стукнул им по столешнице, постекленел глазами.) Не знаю только — как... Вот убей Бог, Мить, — не знаю! Аксютка — она, с-сука, меня убила... (После паузы.) Ить двадцать четыре годочка с ней как один день... Дочку похоронили... пяти лет. Дом горел потом, ладно... А так всё как у людей. (Тяжело

осматривается.) Работали, вот это всё нажили, каждой досточке в хозяйстве рады были... вместе. А ходила как за мной она, перед судом-то... В ниточку вытягивалась, разрывалась — и дома, и в больницу, и к прокурору... усохла как щепка, одни глаза остались, думал — упадёт баба... И н-на тебе! (Угнувшись, после паузы.) Я как получил, вестку-то... зачем, думаю, жил-то? За каким? А как раз весна, лес тихий стоит, ясный, свечечки повыставил... Я ить, Мить, тово думал... под лесину, думаю, и чёрт с вами со всеми! Если б не весна-то... (Молчит, смотрит в желтоватый прозрачный свет заката; слышна небогатая по осени здешняя жизнь. Дмитрий наливает в стаканы.) А поначалу Егоровна мне написала со стариком своим... уж как они тюремный адрес мой нашли — не знаю, у братовьев двоюродных небось. А потом и она прислала. Думал, труба мне будет. И всего-то месяц не дождался я до «химии» — а то бы приехал, посмотрел, как оне тут милуются...

ДМИТРИЙ: Скоро на «химию»-то отпустили?

ИВАНОВ: «Скоро»... А через года полтора почти... лес-то нужен стране ай нет? Вот я и валил его — как в песне... Спасибо — сюда направили, на газзавод. Ну, я к начальству первым делом: так и так, отпустите. Пошли навстречу, отпустили дней на пяток. А их уж нет, уж увёз он её. Думал голову ему разбить, а там пусть опять сажают... я уж всё прошёл, этим не испугаешь теперь. (Усмехается криво.) Бог берёг, не застал. Я оттудова, а они туда, в леса. Да и толку-то... Он, говорят, уже у нас был в Кузьминовке, при мне ещё... в смысле, не у ней, а вообще. Оне, вятские, давно сюда наезжают, к весне так. Шабашут, дома рубют — плотняка они хорошие, что скажешь. По вдовушкам нашим расселяются, тем и живут... (Прикурил; продолжает, пытаясь рассказать с иронией.) Ну и, видать, встретились, слюбились, бойкий тот был... Такая, говорят, любовь у них открылась — друг без дружки дня не терпели. Под конец и у хозяев не ужинал, прямо сюда задами... торопился. Ну, и она... А народ — он всё видит. А муж объелся груш. Ты где-то там, а у них природа — с бабами так... Ну, и поехал назад... дослуживать. А ты говоришь — не пей. Ты-то вот что со мной сидишь, пьёшь?!

ДМИТРИЙ: Ну, моё дело тоже... Полоса такая у меня.

ИВАНОВ: Вон ты как заговорил — «полоса»... А у меня, добрый ты, Митя, человек, теперь без полос... всё насплошь пошло. Сучок вон отгнил, так и я. И никому дела нет. Был сучок, и сколь на нём висело всякого... что хотели, то вешали. А теперь не нужон стал — пропал Максим, ну и хрен с ним... А я ить живой, сучок-то... (Отвернулся, глянул куда-то исподлобья; хриплым голосом.) Страх как жалко... И виноватых нету, кругом сам виноват.

ДМИТРИЙ: Ты, Тимофей Василич, вот что... кончай! Ты потому так говоришь, что побить кулаком себя в грудь хочешь, ритуал наш занюханный исполнить. Сам он виноват... это уж ты слишком. А Беленький, а другие?! Нет, ты кончай!

ИВАНОВ: А что — Беленький? Мы, если хошь, сами больше себе вредим — сами... Нам помогать дюже не требуется. Не, Беленький не причина.

ДМИТРИЙ: А что, следствие?

ИВАНОВ: Следствие? (Подумал.) Да-к а что? Видит — дураки; а что бы ему не покомандовать, всамделе? Дураков учить надо — вот и учат. Кого-то научили, может, а больше таких, кого никакая наука не берёт... нас таких в Рассее — учить не переучить. Мы всё других норовим обвиноватить, на других свалить — ну, а сами-то каковы? Что уж, больно хороши мы, что ли?.. Нет, Митрий, народец мы тяжёлый — неподъёмный прямо иной раз народ. Нас раскачать — семь потов пролить... а раскачаешь — так не остановишь потом, тоже беда. Потому что большой народ, разный. Я вон немцев повидал, с ими куда легчей управляться — все одинаки, в мыслях порядок. А мы ить упрямые, без понятия. А своно нет понятия — иди к соседям. Насоветуют нам со стороны, нашепчут, мы и пошли чертоломить... А своё-то разуменье есть иль нет? Нету. Сами-то подумали? Нет, мол, забыли... Оглянешься вот так, оглядишься, а сам, оказывается, и виноват, не кто другой... И вот должен теперь всех понимать, не только себя.

ДМИТРИЙ (не понял): Как это?

ИВАНОВ (горько): А так. Не тягай я эту снасть — и Беленький мимо бы прошёл... не за что ему бы уцепиться было. Захотел бы, а не взял — не за что. Так бы и вся злоба его впусте прошла... А теперь что ж... Меня никто не понял, а я теперь понимай всех. Потому что виноват. Я ведь и Аксютку... стараюсь вот понять — а никак, сердце, вроде того, мешает. В другой раз убил бы, не пожалел; а потом раздумаешь — нет, что-то не так. Не то... Сам упустил, раньше. Всё самотёком, между делом, кое-как... на кое-как пронадеялся. А нельзя на кое-как такое. Ну и тот — всерьёз, видно, зацепил её. Нетерпеливая была, не то что я... с-сучка! (Поднял на Дмитрия злые, беспомощные глаза.) Что вот теперь делать?

Видно, что Дмитрий не знает ответа и пытается думать. Иванов, мотнув головой, тянется к стакану.

ИВАНОВ. А мы вот щасик ещё... Ты это правильно сказал — плюнь! Люди мы маленькие, проживём как-нибудь... а из нас, маленьких, какая-никакая, а Рассея состоить — большая, вот так!

ДМИТРИЙ: Не, Тимофей Василич... давай, это, подождём, охолонём. И так уж выпили, не на стенку ж лезть...

ИВАНОВ (не ставя, впрочем, стакан): Да-к можно... Всю не выпьешь, эт-точно, её на нас наделали... Ты не гляди, что я так... я, вроде того, за компанию. Я ить как не хотел, боялся её — а привык. Нужда, вроде того, заставила, братцы-«химики» подмогли. Оне настырные, любят на халяву — ну а мне всё легче, не одному. Меня там (ухмыляется, качает головой) знаешь кликали как? Безменом колхозным... додумаются же, суки! Оне такие. Посидим, бывало, душу отведём. Как я туда попал, к чему был — шут его знает... Я мужик, вроде того, а там собрались всякие такие... ни городские, ни сельские, а все какие-то червивые, с изъяном. Психовые все, изломанные — как, скажи, через молотилку их всех пропустили. Но — (тяжело встал, покачнулся и сам усмехнулся этому, иронично поднял палец) но утешать они — мастера-а... Никакой поп, скажу тебе, не утешит, как они. И послушают, и поймут... слезами с тобой рядом обольются — и ведь не врут, считай, вот ить какое дело! Ить не притворяются, всамделе плачут... чудеса! Есть с чего, видно. А по мне, так все они там подпорченные, мало-мало кто с толком, по нечайке... Послушаешь, пожалеешь, а потом себе на уме думаешь: правильно, так вашу мать, засадили сюда вас, дураков... не мешайтесь под ногами, не портите добра — его и так мало. А вдруг-ораз раздумаешь опять: жалко, свои как-никак, в одной упряжке ходим. Не судите, да судимы не будете — так один армянин у нас там говорил... у-умный человек. А я и сам психоват стал, разве я не понимаю. (Смотрит на стакан в руке, колеблется, пьёт. И садится опять, занюхивая хлебом.) Мужики вон наши: как вернулся, так вроде б с опаской меня обходют, с уважением: чёрт, мол, знает его, чему он там научился, тюремщик... А чему я научился? Психоват, эт-точно. А так ничего, какой был.

Разговор как-то исчерпывает самоё себя. Дмитрий смотрит на соседское подворье, замечает горшок на колу плетня. Толкает локтём Иванова, показывает глазами.

ДМИТРИЙ: Всё время удивляюсь: такие времена прошли — костоломные, люди как мухи... да какое там — мухи, как вшей давили, а горшок какой-нибудь или книжка — целы... Этому вот — лет шестьдесят, это уж точно...

ИВАНОВ: А что — надо? Это мы... м-мигом! (Поднимается, идёт к плетню.) Пошли. Егоровна!.. (Слушает.) Это мы спроворим. Старух, где ты там?!. Она куда-т уходила нынче: ты Авдеенку искать, а она... (Появляется Егоровна.) Ага, вот она. Егоровна, мы тут вроде как с делом к тебе... ты как?

ЕГОРОВНА (сердито оглядывает их): А никак. Я думала — свежи, а они всё те же... Ишь спарились — и не стыдно?!

ИВАНОВ (с пьяниной): Ты не ругайся, старух, обожди... Горшок мы у тебя сторговать хотим. Человека спецом с области прислали, старинку вашу занюханную собирать... гордиться должны!

ДМИТРИЙ: Правда, Егоровна, — хоть свозить, показать...

ЕГОРОВНА (немного растерянно): Да-к я что... Отдать бы можно — только как же мне без него? Очень уж уваривается всё в нём, и пахнеть духовито, что ни сготовь. Без него нельзя.

ИВАНОВ: А мы те, старух, чугунок — хошь?!

ЕГОРОВНА: Да-к как же-ть...

ИВАНОВ (торжественно): Будет те чугунок — полведёрный! Эт мы щас... давай горшок. Как не уважить человека?! Хороший человек, Егоровна, ты мне верь. А чугунок я щас принесу, нужен он мне...

ДМИТРИЙ: Тимофей Василич...

ИВАНОВ: А ты мне не перечь... я знаю, что делаю. Она вон там наоставляла — к чёрту! Всё бы повыкинул, сжёг — да сил нету, жидковат стал... Была б сила — вы б узнали!..

ЕГОРОВНА (охает, крестится): Господи... Да што ты, Тимош, опомнись... что говоришь-то?!

ИВАНОВ: Да вот то... (Покривился, махнул рукой). Ладно. Ничего-то я не сделаю... А чугунок счас принесу, подожди. (Уходит.)

ЕГОРОВНА (всё ещё с каким-то испугом провожает глазами Иванова): Ох, господи... паси нас и помилуй!.. (Дмитрию.) Да-к мы тебя ждали, утром-то.

ДМИТРИЙ: Да вот, Авдеенку я искал, ждал... не дождался. Ну, то-сё потом. Я зайду, завтра.

ЕГОРОВНА: Ох, что уж вы так-то... И Манька его не остановит, видно.

ДМИТРИЙ: Да так... получилось так. Какая Манька?

ЕГОРОВНА: Да продавщица. Сходятся вроде, а... А не знаю, только уж горить всё в нём. Ох горить...

Уже стемнело. Из дома выходит Иванов, включает лампочку над дверью сенцев; несёт, спотыкаясь, чугунок и крышку к нему, подаёт Егоровне.

ЕГОРОВНА: И не думай, не возьму. Ишшо чего — помогать тебе буду именье зорить... Берите уж так.

ИВАНОВ: А я сказал — бери! Я сказал иль нет?! (Бросает чугунок и крышку к ней за плетень, на траву.) Вот так. (Дмитрию.) А горшок — твой... пущай им государство хвалится.

Егоровна с боязнью смотрит на него, поднимает чугунок с крышкой и уходит.

ДМИТРИЙ: Да неловко как-то...

ИВАНОВ: Бери! (Снимает горшок, идёт к столу; ставит, смотрит.) Эт-ты верно... лучшие в мире калоши! Это в анекдоте,

мне сказывали: с десятого человек слетел, ну и вдребезги... а калоши — целы!.. (Кладёт руку на плечо Дмитрию, усаживает). Ты, это... ты ить из сельских, так?

ДМИТРИЙ: Да считай так...

ИВАНОВ (он опьянел; кивает, трясёт серыми от седины волосами): И я тоже. Мы, это... да, сельские, безмены колхозные. А нам что сельским, что городским — цена никакая... калоши целы, и ладно. У нас там, на «химии», комендатура — знаешь? — комендатура эта, двадцать штук ментов и Ступак при них, этот... начальник, так? Там, знаешь, всяко было... по морде, и будь здоров! И гуляй... Да-к вот: шах-мат-но (подымает палец, многозначительно жмурится) шашечный объявил Ступак... этот... турнир! На весь жилгородок, на семьсот морд! А награду... (трясёт Дмитрия за плечо) награду знаешь какую — за первую месту? Не знаешь... Свободу! Как, а?! Свободу... А как обидно, Мить! Я колочусь, ночьми ворочусь с боку на бок, а они... Ты разберись со мной, виноват я иль нет, ты пойми меня... кака разница, умею я в эти шашки иль нет... ить человек я! А им — им плевать...

ДМИТРИЙ (не очень верит): Что, неужто было так? Свободу?

ИВАНОВ: Так! Христом-богом!.. (Пытается креститься, у него не получается, машет рукой, сплёвывает.) На все, мол, четыре стороны... И ты знаешь: не стали ребяты... это... играть. Не стали. Што мы, скоты какие?! А как обидно...

ДМИТРИЙ: Всё, Тимофей Василич, спать давай...

ИВАНОВ: Счас, Мить... погоди. Дай сказать. Вот я жил тут, растил всё, колотился... для чего? Тут о-очень надо подумать. А ежли, подумать, по-другому бы... а? Без обману? Понимаю — где закон, там и обида... а всё ж? Вот Заводской — сучок, конечно, но тут дюже надо подумать. А я ить... эх! А Богомаз мне — за иконы сидел, п..ор, старух наманывал, — плюнь, говорит... А я... Мне, Мить, выйтить надо.

Дмитрий помогает ему подняться, провожает до двери сарая. Иванов, держась за косяки, скрывается там. Откуда-то, тихие и умиротворённые, наплывают трели цикад. Дмитрий стоит, глубоко вздыхает, вдыхает воздух, смотрит на совсем померкший закат, на силуэт порушенной церкви. И спешит к выходящему из сарая Иванову, подхватывает под руку.

ИВАНОВ (вздыхает, трясёт головой): Мить, ты погодь... Молод ты, а я... Ты молодец, вроде того, понимаешь... а молод. А я уже всё. Мне уж за мою жизню стоко перед носом грозили, наманывали... всё. Надорвался, да. Ты обожди... Ты куда меня?

ДМИТРИЙ (ведёт его к дверям дома): Давай-давай... спать. Пошли, Тимофей Василич. Всё, спать надо.

ИВАНОВ: Спать? Ну, давай спать... Хрен с ними со всеми. А я

всё, хана... А мы вот завтра... мы рыбачить пойдём — а што?! Сходим, плевать, чем мы хуже...

Идут к сеням.

Картина четвёртая

Горница в избе Егоровны. Обстановка самая скромная, но всё прибрано, чисто, аккуратно. За откинутой занавеской кровать, на ней, свесив больные ноги, сидит дед Алёшка — сухонький, подвижный несмотря на болезнь. Дмитрий сидит за столом, накрытым скатертью. Егоровна согнулась над большим, старой выделки сундуком, роется там. В углу стоит снопряха, на стене тикают ходики.

ДЕД АЛЁШКА: Ты ему стан покажи, ткацкий... небось, и в глаза такого не видел? На кой он ляд теперь, тока место в анбаре занимает. А ить, бывало, ткали: ночь-полночь — стучит сидит моя молодка...

ЕГОРОВНА: Покажу ишшо, успеется... (Глядит на Дмитрия.) Глаза-то у тебя... так и не завтракали?

ДМИТРИЙ (с неудобством): Да чайку попил. Хозяина нет, с утра ушёл...

ЕГОРОВНА (качает головой): Ох, ребяты... да рази мыслимо, как вы-то?!

ДЕД АЛЁШКА: Ладно-ладно... завела. Они сами большенькие, пусть их думают. Нехорошо это, конечно. Тольки и Тимошке несладко, что тут... Ты лутше покорми человека. Покорми. И занавеску как следует отодвинь — што я, доходяга какой?! (Дмитрий отодвигает занавеску. Егоровна приносит жареной картошки на сковороде, хлеб, кружку молока, Дмитрий благодарит, ест.) Загужевали, значитца? (Подмигивает Дмитрию, довольно-таки одобрительно хекает.) Ничего, пьяный проспится, а вот дурак никогда. Хорошая кровь себя всегда окажет; а Тимошка — человек недурных кровей, отца-мать, дедов его знал... не казачья хоть кровь, а добрая, что скажешь. Это он ослаб.

ЕГОРОВНА: Да какоё ж «ослаб», когда не просыхаеть?!

ДЕД АЛЁШКА: Ничо, девка... это он с перепугу, сразки. Оно так бывает. Ну а ежели б мы пили тока да не закусывали — мы бы и живы не были. А мы-ще живём, слава богу... Посравнить, как до войны да после войны — не-е... Как там ни шло, а хорошую мы жизню завоевали. Другое дело, что нас самих на неё не хватило — ну это ладно... Вот и Тимошка: может, последний он такой горюн, кто-ё знает... Люди другие щас пошли, полегше; у них и горя-то, небось, полегчали, на другой манер пошли. А винцо — дело такое: дурака валит, умному силу даёть. Ты вон спомни, как жили... мы што её, шутейно пили?

ЕГОРОВНА (бормочет): Да ты-то уж попи-ил...

ДЕД АЛЁШКА: Нет, не шутейно. Всерьёз. А ить ничево, живы.

ЕГОРОВНА: Тольки и живы...

ДЕД АЛЁШКА (сердится): Да што ты за бестолочь такая! «Тольки и живы»... што ты понимаешь в этом?! Ты меня много домой мокрого притаскивала? Всегда сам на ногах приходил и ума николи не терял, слава богу. А теперь и вовсе отрезало, всему свой срок. Дёшево бы стоили, ежели по-твоему... А мы не дешёвки, нет, Русь себя ишшо покажеть! Дураков соскребёть и покажеть... (Вздохнул.) Тольки развелось их — бери не обери. Друг на дружке сидять, медалями себя увешали... ходють, как быки-медалисты, и всё им мало. Да и наш брат тоже... (Опять вздохнул.) Ладно-ть. (Егоровне.) Ты его как-нибудь зазови, Тимошку, я с им поговорю... он всегда разумел. А ума нет, так ничево не поможеть. Ты лучше, старая, скажи, куда мы колодки для валенок сунули? (Дмитрию, хмуро.) Какой из меня теперь вальщик... Бывало, всей станице валял, в ноги приходили кланяться... теперь всё. Анадысь приносили мне фабричные показать — жесть, а не валенки, и сляпаны кое-как... А моя колодка известная была. Бери да-к...

ЕГОРОВНА: Так их Фёдор просил, у нё своих не хватает. Грит, заплачу — хороши колодки, старинны...

ДЕД АЛЁШКА: А-а... ну, тады не обессудь; пусть люди попользуются.

ДМИТРИЙ: А вот справа казачья какая-нибудь... мундир там, фуражка?

ДЕД АЛЁШКА: Мундир есть, как не быть. Отцов. И фуражка, само собой. (Неожиданно жёстко.) Тольки к этому я власти и дотронуться не дам. Наизмывались до смерти, а теперя... Не, и разговор не заводи. Срок придёт — сам в ём и лягу. (С неожиданной опять-таки лукавостью.) Ты вон лучше у старухи снопряху выпроси...

ЕГОРОВНА (чуть не плача): Ты чё ж, окаянный, человека морочить... куды ж я без снопряжи?! (Дмитрию, умоляюще.) Не слухай его, ради Бога!

ДМИТРИЙ: Да он шутит же...

ЕГОРОВНА: Всю жизню он шутит, проходу нету...

ДЕД АЛЁШКА (посмеиваясь): Ага, испугалась... А то за мундиром она в сундук полезла — какая доброхотная...

ЕГОРОВНА (всё переживая): Я не за им... Я показать, што к престольной надевали...

ДМИТРИЙ (несколько смущён): Да не беспокойтесь, пожалуйста. Я просто глянуть... то, что вам самим за ненадобностью...

ДЕД АЛЁШКА: Да-к тут уж ничего не надобно, окромя смертного... Скушная житуха мне пошла, добрый человек, — как на чепь посадили... Ребяты наши Бог знат где, один свет в окошке, что старуха: придёт, расскажет, где и как, вот и вся информация.

Да радиво. (Задумчиво.) Бо-ольшой свет божий, чего только не услышишь. Раньше вроде б как не знал: ну, живёт там кто — ну и пусть живёт, у меня своя жизня, со своей бы управиться. Мне и дела не было, как они там. А счас вот как проглянул, вроде б как наружу высунулся — много всего... Ох много. И до чего ж все друг дружку не любють: ругаются, обзывают как хотят, дерутся, грозят — как им земля мала... Как бы, думаю, худа не вышло. Худо — оно ить всегда под рукой, искать не надо: взял да промеж глаз... Што у вас-то говорят про это, в области? Насчёт перестройки-то?

ДМИТРИЙ: Да боятся, дядь Лёш. Сам ведь слышишь: не на лад как-то дело пошло. Зовут, а сами не знают куда... Всякая сволота повылезла, поналезла в Кремль — та самая, которая в подпевалах рьяных была, самые троцкисты... помнишь, небось? Только теперь всё наоборот готовы переделать, всё наше переделить — ну, общее... Помнишь, как в двадцатых?

ДЕД АЛЁШКА (ложится, кряхтя; со вздохом): Как не помнить... Всю-то жизню нам переломали, нехристи, народ проредили — а за каким, спросить? Мы што, хлеба меньше давали иль, сказать, людей под ружьё? Э-э, да што говорить... (Вспомнил.) Да, а корчага-то наша, как же-ть мы забыли!.. Уральского литья, трёхведёрная — на подлавке лежить. Дно проломано малость, а так всё честь по чести: и листья по ней, и птицы... (Старухе.) Нука своди, пусть слазиет наверх...

ДМИТРИЙ (встаёт из-за стола): Спасибо за хлеб-соль.

ДЕД АЛЁШКА: Не за что. Слазий, глянь — ей уж сто лет никак. Да приходи, погутарим. Люблю погутарить, да вот ноги языку не помогають. Бастують, стервы...

Картина пятая

Двор Ивановых. За столом сидят Заводской, Рыжий и Иванов. На столе бутылка, стакан, хлеб и несколько сушёных рыбёшек.

РЫЖИЙ (продолжая): ...а то я его не знаю, красавчика. Ему-то что, у него корова всю зиму на сене лежит. Нам обещал, прямо в грудь бил: выручайте, не обижу! А как отскирдовались — забыл...

Появляется Дмитрий.

ИВАНОВ: А вот и квартирант мой. Садись давай, Митрий... не побрезгуй, опохмелись. (Мужикам.) Музей они там затевают, старинку вот ищет. (Дмитрию.) Как, нашлось что у Егоровны?

ДМИТРИЙ: Да мы с ней дворов пять обошли, есть кое-что. Приедем закупать.

РЫЖИЙ (с неожиданным интересом): А чем же вы, например, интересуетесь? Какой-нито одёжей или как?

ДМИТРИЙ (по-свойски, с усмешкой): Да вот всем, что

постарше тебя. Прялки, инструмент, зыбки ребячьи... Кровать вон резную показали, дубовую, хоть сейчас ложись и спи, крепкая. Старое нам всё годится.

ЗАВОДСКОЙ (серьёзно): Тогда забирай мою старуху. Надоела, всю шею переела... Забирай!

Не торопясь смеются. Заводской хозяйски наливает стакан, Иванов подаёт его Дмитрию.

ИВАНОВ: Давай.

ДМИТРИЙ: Ну, будем знакомы.

ЗАВОДСКОЙ: Знаком ни на ком. Давай. (Дмитрий пьёт.)

ИВАНОВ (Рыжему): Ну так и что ж?

РЫЖИЙ: Да ничего. Потолковали мы с Красавиным — он ни в какую... Не могу, мол, и всё — начальство сверху не велит. Вот свезём, дескать, сенцо на базы, взвесим, посчитаем — тогда, может, что и выделю на проценты...

ЗАВОДСКОЙ: Дураки вы дураки... цыган лошадь «завтрой» кормил, она и подохла. (Вынул из кармана, кинул на стол ещё несколько рыбёшек.) Я б из глотки у него вырвал, эти проценты... А ведь сами вы допустили, распустили ихнюю братию. Нет, легко им с вами, дураками, жить.

ИВАНОВ (пытаясь сдержаться): Ну не всем же такими умными быть, как ты... (Поднимает на Заводского глаза — уже злые, тоскливые.) Что ты ума-то всем тут даёшь — своего, што ль, излишек?!

ЗАВОДСКОЙ: А что с вами лук чистить, коль вы своё взять не можете? А они видят такое дело, сели на вас да погоняют, посвистывают. Глядеть тошно.

ИВАНОВ: Куда как ты умён... умё-ён, со стороны-то. Ну а если я вот встану, возьму да твой ум немного об стенку постукаю — это как?!

ЗАВОДСКОЙ: Ты... ты что, Тимошк, сбесился, что ль? С чего ты?

ИВАНОВ: С тово! Знаю я вас, захребетников... перевидал, гадов! Наш хлеб жрут да ещё поучают!..

ЗАВОДСКОЙ: Ты это брось, какой я тебе... Я, парень, на заводе работал, целину, это, брал... ты брось!

ИВАНОВ: Знаем твою целину, ты нам не рассказывай — рядом она (кивает в сторону)... Деньгу вы туда рвать, землю уродовать... ни зерна, ни травы! Всё знаем! (Не сдерживается.) А я... я за твой перетяг, если хочешь, два с полтиной года отмотал — за твоё паскудство! Ты и это знаешь, ты не прячь глаза! Ты, паскуда старая, рыбку ел, а я парился!..

ЗАВОДСКОЙ (ощерился): А ты б не тянул... ты что тянул-то? (Насел голосом.) А что ты клепаешь тут, какой он мой?! Ты откуда это...

ИВАНОВ: Оттуда! Не знал бы — не говорил... комедию мне

не ломай! Мне потом парнишка рассказал один, как ты с лодки ставил, с-сучок!

ЗАВОДСКОЙ: А ты что ж, чужое тянул?! Виноватых он ищет... Честный какой нашёлся, работяга — на чужой счёт лакать... (Толкнул пустой стакан, тот покатился.) Что тянул-то, милок?

Иванов угрожающе поднялся, сделал шаг к Заводскому. Тот не по-стариковски поспешно вскочил, отступил за лавку. Рыжий изумлённо смотрит, переводя взгляд с одного на другого.

РЫЖИЙ: Дай ему, Тимох... сучку!

ИВАНОВ: Я-то внечайку, видит бог... я-то искупил, а вот т-ты! (Резко и в то же время обессилено как-то отпихивается от рук Дмитрия, вставшего между ними.)

ДМИТРИЙ: Кончай, Тимофей Василич... ну, не надо, брось. Толку теперь... Брось!

Появляется Мария, никем не замечаемая, останавливается, смотрит.

ИВАНОВ (глядя с ненавистью на Заводского): Старость твою... а то б ты поплясал у меня! Коз-зёл! Ты жить потому умеешь... мы потому что не умеем. Давай вали отсюда, заметайся, не трону! Сам скоро околеешь.

ЗАВОДСКОЙ (мгновенье стоит, смотрит, глаз его почти не видно в прищурке. То ли с сожаленьем, то ли презрительно косится на стол и поворачивается, идёт. На ходу оглядывается): Ты, Тимошк, не больно гордись, я ещё тебя переживу... (Уходит.)

МАРИЯ (глядит с укором): Что ж уж вы так-то, мужики?.. Шли б лучше по домам, чем шуметь зря...

ИВАНОВ (с некоторой неловкостью уже): Да ничего, Мань, ничего... выясняли тут. Один тут было уму-разуму начал учить — пош-шёл он вон!

МАРИЯ: Кто, Заводской-то?.. (Глядит Иванову в избегающие глаза, жалеюще.) Не надо бы, Тимофей Василич... Он, видно, сроду такой, что с него возьмёшь. Что теперь...

ИВАНОВ (покорно): И то... Мы счас, Мань, ты обожди. Ты зайди.

Мария, качнув головой, поворачивается, идёт к выходу. Тимофей хочет что-то сказать ей, удержать, но Рыжий дёргает Иванова за полу, кивает на стол — садитесь, мол. Все садятся.

РЫЖИЙ: Так вон оно что, значит, — Заводского перетяг... (Наливает.) А где ж раньше-т он был, мальчонка этот?!

ИВАНОВ (устало, оглядываясь в ту сторону, куда ушла Мария): Отец-мать не велели. Нечего, мол, другого впутывать, грех брать на душу.

РЫЖИЙ: Ну а ты что ж?

ИВАНОВ: А што — я? Их тоже, вроде того, понять надо...

РЫЖИЙ: Вон оно што... А он ить вправду переживёт — а, Тимох? Такие до ста лет живут.

ИВАНОВ: Смерть всё равно не обманет... это не рыбнадзор тебе. Налил? Ну, давай. (Рыжий пьёт.) Такая вот жизня... (Дмитрию.) А мы вот что... мы баню давай истопим — а, Митрий? Сто лет уж, кажись, не парился... душа усохла.

РЫЖИЙ: Может, ещё на одну наскребём?

ДМИТРИЙ (твёрдо): Нет, хватит.

ИВАНОВ (с некоторым смущеньем почесал затылок, усмехнулся сам себе): Да это он так... по инерции, вроде того. Ни к чему, эт-ты верно. Другое дело, когда нужна она.

ДМИТРИЙ: Это когда ж?

ИВАНОВ: Ну, как сказать... бывает, что нужна. Всё, закругляемся!

РЫЖИЙ (с сожаленьем): Н-ну, Манька!.. Ладно, бывайте. (Уходит.)

Иванов и Дмитрий молча, будто задумавшись, сидят.

ИВАНОВ: Баня так баня — давай... (Встаёт, берёт топор, начинает перебирать у сарая всякие обрезки и щепьё, отбирая на дрова что похуже.) Таскай, мы её мигом протопим, дровами-то.

Дмитрий набирает дрова на руку, уносит в дверь сарая. Возвращается, ждёт, пока наберётся ещё. День склоняется к вечеру.

ИВАНОВ (приостанавливается, оглядывает двор, с тяжестью на душе): Всё подкосилось, падает... всё. Дровец вот на зиму надо, брикету... всё надо искать, доставать. Подваливает заботушка, м-мать её за ногу... (Втыкает топор в колоду, после паузы.) Времечко идёт, воды одной в Урале сколько утекло теперь... одни мы на месте. Никак мы не меняемся, Мить. На што уж нас ломали, гнули через коленку и по-всякому — нет, мы как были, всё те же. Я вот подумал: а что, если не переделаемся? Это ведь так и будет всё идти тады, по-старому, — все эти драчки наши, беды с горями пополам... За каким, вроде того, мучились тогда, работали, себя клали, не жалели? Неужель, думаю, всё нипочём пойдёт, несмарку? Что ни говори, а жалко...

ДМИТРИЙ (не ожидавший такого, присев на чурбак, помедлив): Насмарку, говоришь?

ИВАНОВ: Да вроде того.

ДМИТРИЙ: Да не должно, чтоб насмарку... Мы хоть и второгодники всегдашние, а научились кой-чему. Дурь повыветрилась эта, идейная... хоть своими глазами на белый свет глядеть стали, своим умом думать — не все, конечно, но ведь стали. Нам бы чего теперь... (Трёт лоб; видно, что и для него это, как говорят, вопрос вопросов.) Нам бы всё это в один ум сгрести теперь, в общий... все бабки наши подбить, понять, что дальше делать — всем. С собой что делать, с руками вот этими — твоими, моими.

ИВАНОВ (внимательно глядит, мысль эта ему, по всей видимости, не чужда): Эт-то да... Тока

вот кому согребать её, в место какое. Ить некому. Не этому же Мише пятнистому… ить балабол же.

ДМИТРИЙ: Самим, кому ещё… Да и как сказать тебе… Есть люди. Мало, а есть. Не в чести они, конечно, сам понимаешь. Горлопаны всякие, горлохваты — эти всегда на виду… ну, нам не привыкать. А в таких людях, чтоб честных да умных, у нас всегда нехватка, во все времена… порознь они у нас чаще ходят, честность и ум. (Начинает набирать на руку дрова.)

ИВАНОВ (соглашается): Верно говоришь. Чуть, глядишь, поумней — уже прохвост… Как вон Беленький.

ДМИТРИЙ: Да какой он умный.. обыкновенный фискал, во всех смыслах. (Встаёт.) Нам ещё, если по-учёному говорить, эту фискальную при государстве сущность их, беленьких, осмыслить предстоит, разобраться, что там к чему. Умный… Это они потому умные, как ты сам сказал, что мы своей головой не думаем… мало думаем. Да вдобавок и не дают. Под большой задницей сидим — ни вздохнуть, ни пёрнуть…

Уносит дрова. Иванов раздумчиво перебирает деревяшки; вздохнув, опять оглядывает всё, встаёт. Возвращается Дмитрий.

ИВАНОВ: А что это за люди… ну, про каких ты говорил-то?

ДМИТРИЙ: Да это долгий разговор… Есть. После баньки и поговорим.

ИВАНОВ (поколебавшись, почесав затылок): Да, насчёт этого… Давай уж ещё одну — последнюю. Баня ж. Да и тебе завтра ехать.

ДМИТРИЙ: Кончились мои, Тимофей Василич, командировочные…

ИВАНОВ: Ну это беда малая, я ж получил. И трактор дали, кстати… Не ты там об этом с Авдеенкой калякал? (Дмитрий неопределённо пожимает плечами.) А зря. (Угрюмо.) Умирать буду — воды не попрошу у него… Не за себя — что я… Ну ладно. Да, а на дорогу-то есть у тебя?

ДМИТРИЙ: Завалялся трояк.

ИВАНОВ: Трояка мало, я дам. А то ни перекусить, ни… (Достаёт деньги.) Только вот что: сходи сам, а?

ДМИТРИЙ: Я воды хотел в баню натаскать… А что?

ИВАНОВ (мнётся): Да понимаешь, от Мани неловко… от продавщицы. Баба, вроде того, хорошая… скажет: глот какой стал, по два уже раза на дню бегает… Ну, неловко. А я затоплю схожу.

Отдаёт деньги и, захватив вёдра, уходит в дверь сарая. Дмитрий выносит из дому лёгкую полотняную сумку. Скорым, расстроенным каким-то шагом возвращается Тимофей.

ИВАНОВ (чуть не плача): Всю каменку порушили, сволочьё…

ДМИТРИЙ: Да кто это?

ИВАНОВ: Да молодяка, кто ж ещё… Кобелились, видно, в

холода хоронились туда — ну, ладно... каменку-то зачем трогать?! (Шевыряется рукой в каких-то железках и прутьях, сложенных у сеней.) Рейтузы чьи-то там, пакеты... Запроцентовала жизнь!

ДМИТРИЙ: А что, наладить нельзя?

ИВАНОВ: Да налажу, не о том речь... Обидно, Мить! Если б знал ты, как обидно...

ДМИТРИЙ (сочувственно): Помочь?

ИВАНОВ: Да зачем, сам я... В этом деле не поможешь, только самому... Ладно, иди.

Дмитрий идёт авансценой на выход и чуть не сталкивается с входящим Пеннером. Старик, не теряя достоинства даже и в таких мелких неожиданностях, раскланивается с ним, видит Тимофея. Дмитрий, сам поздоровавшись и выждав, пока они поздороваются, уходит.

ПЕННЕР (порадованный встречей): О-о, Ивано-ов?! (Приподнимает шляпу, кланяется ему. Иванов, несколько смущённый, с неловкой улыбкой подымается, идёт навстречу.) Вернулись, значит? А я вас вспоминал, вспоминал...

ИВАНОВ (осторожно пожимает ему руку): Здравствуйте, Пётр Германович. Да уж с весны тут...

ПЕННЕР: Ну, рад — рад, Иванов! (Ткнул его легонько пальцем в грудь.) Как машинки-то — не подводят? Быстро я тогда вас отремонтировал, пневмонию выбил — сразу и со всех позиций! А нагрузка, я полагаю, там и сейчас не маленькая... бывал-с, знаю. Как экзамен организму, не меньше.

ИВАНОВ: Грех жаловаться, Пётр Германович, — спасибо!

ПЕННЕР (всё оглядывает его, довольный): Так-так... Где были?

ИВАНОВ (тонко усмехается): Свердловские мы.

ПЕННЕР: Скажите пожалуйста!.. Ну а мы, в таком случае, челябинской прописки, спецпереселенец образца тысяча девятьсот сорок второго — сорок пятого годов, трудармия номер... Ну это ещё секрет. Без секретов нам пока нельзя, а то, извиняюсь, свихнёмся... Так как, изменилось что там?

ИВАНОВ: Да что я вам скажу... Старого, слава Богу, не видал, а новому тоже не радовался... Перетерпел.

ПЕННЕР (с горечью): Да человек всё, знаете, перетерпит... У нас лошадей берегли — и те дохли, а человек... (Поднял палец, с тою же горькой иронией.) Нет, не зря человек — венец природы... да-да, даже и в физиологическом смысле, по выживаемости. А про семейное ваше слышал, слышал... что ж, нет бога, кроме Аллаха, — и тому женщины непокорны, да. Не отчаивайтесь особо. В конце концов вы живы, здоровы, вам

ещё повезло. И потом, хозяйство на вас осталось, а это (опять поднял палец) большое, очень большое дело! Главное, не надо увлекаться собой, а смотреть... э-э... шире. Разменивать жизнь на спиртное — как это, знаете, неумно, глупо, попросту неправильно! Вы это должны понять. Я хотел бы слышать о вас только самые хорошие... э-э... референции, вот так. Желаю здоровья.

ИВАНОВ (несколько смущённо): И вы здоровы будьте, Пётр Германович.

Пеннер раскланивается, на выходе опять почти сталкивается с Дмитрием, кланяется и ему. Дмитрий тоже кланяется, говорит «до свиданья» и смотрит ему вслед. Наплывает знакомая трель цикад.

ДМИТРИЙ: Хороший какой старик...

ИВАНОВ: Да побольше бы таких. Вот знает человек свою линию... аж завидно. (На немой вопрос Дмитрия.) Врач это наш, я тебе рассказывал. Вот по своей воле живёт человек. А нас взять... (Махнул рукой.) Крохалёв вон... тоже ить бедолага. Вроде мужик как мужик, а не по своей воле жил. Хоть и сам такой, а не люблю. Если не по своей воле, то добра никогда не выйдет, никому — ни себе, ни людям. И государству тоже... невольник, знаешь, не богомольник.

ДМИТРИЙ: Почему — «жил»?

ИВАНОВ (неохотно): Да, говорят, уехали они, снялись. Сказано ж — за рыбу деньги... Ну, будем мы баню топить или нет?! (Берёт из кучи несколько железных полос, прикидывает — пойдут ли. Примирительно.) Щас сделаем... Что, гость, в первый пар пойдёшь?

ДМИТРИЙ: Нет, погожу. Отвык в городе.

ИВАНОВ: Как знаешь. Да вы там, гляди, скоро уж и по-русски разучитесь говорить, в городу.

ДМИТРИЙ: Почему ж... другие парятся. Есть такие, что любому сельскому нас утрут.

ИВАНОВ (с сомнением): Не знаю, не знаю... Ну пошли, что ли.

Идут, свет постепенно гаснет, трели цикад усиливаются. Через некоторое время сцена опять освещается. Всё на ней без изменений, только наступило уже время сумерек. Дмитрий копается в своём походном портфеле: вынимает свежую рубашку, полотенчик перекидывает через плечо — готовится к бане. Из дверей сарая появляется Иванов — распаренный, расхристанный, в полузастёгнутой белой рубахе, с сырым полотенцем на шее. Как-то обессиленно садится на крыльцо, откидывается на косяк. Глаза его будто помертвелые, пустые.

ИВАНОВ (каким-то невыразительным, безразличным голосом): Ох, дури накопилось во мне...

ДМИТРИЙ: Всю выгнал?..

Иванов не отвечает, сидит, прикрыв глаза, руки его безвольно

брошены на колени. Свет начинает гаснуть, звук цикад нарастает. Затемнение. Через какое-то время, слабо высвеченный, он возникает на пустой тёмной сцене. Стоит, голова его в тяжелом раздумье опущена. В длинной белой, какой-то нездешней одежде появляется неслышно его дочь, подходит к нему сзади, ждёт. Иванов еле заметно вздрагивает, оборачивается.

ИВАНОВ (с болью и радостью, тихо): Ты, доча?..

АЛЁНА: Я, папань...

ИВАНОВ: Давно как не видел тебя я...

АЛЁНА: И я соскучилась... скучаю дюже по вас. А от вас ничего...

ИВАНОВ (с истинного своего голоса немного сбивается на обыденный, фальшивит): Да-к жизнь такая, доча... Заколготились, это, себя не помним... зажились. Ты ить не знаешь, какая она — жизнь...

АЛЁНА (покорно): Не знаю... А братик где?

ИВАНОВ: Далеко. Но приедет скоро, я уж сам жду не дождусь... скоро! Он уж большой, как вот ты...

АЛЁНА (совсем по-детски): Он добрый?

ИВАНОВ: Добрый, доченька... он хороший.

АЛЁНА: А мамани что нет?

ИВАНОВ (растерянно): Мамани? И маманя придёт... будет. Ты не бойся, она придёт.

АЛЁНА: Все будут, да? Здесь?

ИВАНОВ: Здесь, доча... Все будут, ты не бойся. (Кладёт руку на сердце, с болью.) Здеся, все здеся...

Дочь так же неслышно исчезает, лишь белое платье её едва сквозит в глубине сцены. Будто очнувшись, Тимофей подымает голову, медленно осматривается; замечает слева в глубине пустую скамью. Подходит, стоит над ней. И садится — в той же позе, в какой сидел на ней Старик. Свет медленно уходит с него, гаснет совсем.

Картина шестая

Горница в доме Егоровны. Занавеска отодвинута, постель деда Алёшки пуста и прибрана, на ней высится горка из подушек. У стены стоят приготовленные для окон вторые рамы. Егоровна, в валенках и душегрейке, копается в шкапчике. Слышен стук калитки, потом скрипит дверь в задней половине дома.

ГОЛОС ДМИТРИЯ: Хозяева дома? (Егоровна семенит к двери, в которой появляется Дмитрий — в демисезонном пальто, шляпе, с походным своим портфелем.) Здравствуй, Егоровна!

ЕГОРОВНА (не узнаёт): Спасибо на добром слове... (Всматривается.) Чтой-то не признаю никак... Господи, а я ить и думать забыла... (Радостно.) Митрей ли?! Он, и правда — он! А мы-то и

ждать уж перестали: ну, думаем, зажился в своём городу, забыл нас, грешных... Ну-к проходи, милай, проходи... я счас! Да-к ты б разделся, а я чаёк счас.

ДМИТРИЙ (снимает пальто, оглядывается на постель; с неуверенностью, боясь услышать худшее): А хозяин... что он? Дед Алёшка-то?

ЕГОРОВНА: А в больнице он, милай, — в больнице. Пётр Германыч уговорил. Сколько, грит, можно: всю жизню торопыгами прожили... всё гнались за чем-то, душу чёрту тешили (крестится) — хуть в лазарете, мол, передохнёте. Уговорил. Да-к и веселей ему там, на людях, вон лежат сколь... А чаёк уж вон заварен — степной наш, с семи лощин. Чобору там, шалфею, душицы — не пробовал?

ДМИТРИЙ: На задах он рос у нас, этот чай...

ЕГОРОВНА: Тем боле. Погода-т задула какая, хоть согреешься...

Уходит в кухоньку. Дмитрий ещё раз осматривается, подходит к окну, трогает белёные стены, ему и грустно, и хорошо здесь. С чайником в руках входит Егоровна, достаёт чашки, сахар и всё прочее.

ЕГОРОВНА: Да-к приехал, значит... Один?

ДМИТРИЙ: Нет, вся закупочная комиссия со мной. Трое нас, в гостинице остановились. За станом вашим приехали, ткацким, за корчагой — отдаёте? Мы и деньги захватили.

ЕГОРОВНА: Да-к как сказано... Вон он разобран стоит, берите. (Хлопочет за столом, всё с тою же радостью.) Попей, согрейся... дал всё-таки Господь свидеться! Ты как, всё не женился?

ДМИТРИЙ (отшучиваясь): Э-э, Егоровна, жениться не напасть — с женой бы не пропасть... Они нынче стеклянные все, в городе. Как игрушки на ёлке, лучше не трогать: как повешена, так пусть и висит... людям на погляд. Не, лучше не трогать.

ЕГОРОВНА: А ты б нашу какую. Да и наши-то пошли — соломы на вилы набрать не умеют... (Раздумчиво.) Вот гляжу я: сколь баб впусте ходют... как им завязали, чрева-то. Оттово и злые. Оттово и счастья нету им. Небось, пяток детишек ежели — не до зла было б... умягчают детишки душу. А им што, с одним-то. Руки-то две: в одну ребятёнка, узел в другу — и пошла, завилась от мужа...

ДМИТРИЙ: Да, как Тимофей-то? Зашёл — замок висит новенький...

ЕГОРОВНА (оживляясь): Да-к на работе небось... Иль, может, у Маньки. А как тебе уехать, он как взялси пить! А пил, а пил-то, а што творил... недели, чей, три! Ну, думаем, всё: скособочилси мужик, пропал. У нё и трактор было отбирали, и стыдили, и што ни делали — нет, совсем с кругу сошёл, кажись. Хлеб начал продавать, зерно, вот где горей-то!..

ДМИТРИЙ: Да, это уж последнее дело...

ЕГОРОВНА: Ну. А потом, глядим, окорачиваться стал, это когда сыну приехать было. Окорачиваться, окорачиваться... на трактор, это, опять его посадили, сына честь честью в армию проводил: выпил, конечно, без этого нельзя — но уж не так, не до болятки. А то ведь до чего дошёл: набуздаетца, ну и ходит по селу весь сопливый, ишшет... чего искать-то? Уж что потерял, того не найдёшь. Переста-ал... Манька его скоряет, говорят. Баба она смирная, настрастилась в одиночку жить... смиреньем берёт. А что уж у них, как — не скажу, не знаю. Надысь спросила — молчит. Вроде как и перебралась она к нему, а... Не знаю, врать не буду. На два дома пока живуть. А он и тебя споминал — умный, грит, парень, даром што молодой. Умный-то умный, говорю, — а что ж вы пили-то?! Рукой махает: что вы, мол, понимаете... Понимаем, век прожили. Ты его, Митрей, расспроси, как он дальше-то думаеть. По двору, гляжу, возится, подлаживат, да скотины-то нету...

А так что ж... выпьет иной раз, не без этого. Но уж помалу, что на мужика грешить. Кабанчика ему колхоз отписал — хлеб-то старый остался, источённый, надо-ть куда-то девать. А надысь брикету у шоферишек башкирских купил, а перед тем на мельницу ездил. Это Васёк ему на хозяйство денег дал — он, добрый удалси парень. Не-е, Тимошка теперь перезимует, не страшно... Да, а ить чуть не забыла я: Аксютка письмо прислала! Прислала, как же-ть... помнит старых нас. (Засуетилась, тяжело встала, оглядывая внутренние наличники окон, божницу. Шарит рукой за наличником, потом за рамой зеркала, достаёт пачку писем.) Здеся должно, тока вот не разберу — какое... глянь-кось нука... (Дмитрий разбирает письма.) Я Тимошке уж и не показываю, не велела. Ещё пишет, чтоб... Ну вот-ка оно, либо, с красным котороё... прочитай ну-тко.

ДМИТРИЙ (находит письмо, разворачивает): Так что, можно? (Егоровна кивает, поддакивает.) «Здравствуйте, дорогие соседи, дядя Лёша с Егоровной, пишу вам, потому как вы за всю родню мне... Живы-здоровы там вы или как, дядя Лёша как, дай Бог ему подняться за его добро. Я, слава Богу, хорошо живу, тово и вам желаю. Жалко, конечно, что так получилось, что уехала с родных мест, наведаться охота, ну, видно, пока ладно. Здесь темно у нас, места угрюмые маленько, сплошь леса, а так ничего и жить можно. Николай у меня дюже приветливый, за таким не пропадёшь, свекровка...»

ЕГОРОВНА (вставляет): Ишь ты, хвалитца... Не, я ничо не говорю: ухватистай он у ей, верткай, глаза ясны таки. Таким бы и можно похвалитца, а... Не-е,

грех. Она и сама, чай, знает, что грех. Ну-ну, дальше...

ДМИТРИЙ: «...свекровка тоже старуха тихая, сноровкая. Сестрице я писала, как и что, пусть она не забывает и шлёт, что я велела...» Та-ак... ну, тут она о родных своих, о соседях... «Василий, сынок, прям с перводня написал из армии, у него всё хорошо. Заслужу отпуск, пишет, и прям к тебе приеду, навещу, как ты там. Он, конечно, обижается за отца, привык дюже к нему, но молчит, а я всё равно чую, сердце материнское всё чует, его ведь не обманешь ведь. Болею за него и за Тимошку тоже, как у нас всё получилось. Ну пусть, он человек тяжёлый на раздумье, вот пусть и подумает, что меня виноватить одну, сам не остерёгся, набедил, всю нашу жизню в прах пустил, вот пусть и думает. Я тоже, чай, живой человек, мне рази сладко было, я ль не старалась для него, для дому, все ночки прокричала, он того не видел. Я, может, виновата, а он тоже куда глядел, когда творил, а теперь вот мне пишут, что пить взялси безбожно, рази хорошо это. Жалко его, рази не жалко жизню нашу, что расклеилась, да что ж поделаешь, мы ведь не нарошно ведь»...

ЕГОРОВНА (вставляет): Да где ж — «нарошно»... Понарошку и кошка не родит — а тут такое... Всё всурьёз. Тижала рука Господня.

ДМИТРИЙ: «А письмо моё не показывайте, говорить не надо, пусть сам думает что хочет. Развод вот соберусь, оформлю, а нет, ну да-к и не надо, так проживём. А вы пишите, дядь Лёш и Егоровна, как вы там и как здоровье, как хозяйство. Небось дома сидите, грязь началась, а у нас тут тоже грязь, но мене, земля тут бедная, песок один белый, чтоб он провалился...» (Качает головой.) «...чтоб он провалился. Но зато дров много, как хорошо ими одними топить. Как бани затопют, так дух такой по селу плывёт, ажник перехватит, как в церкве. Вспомню про всех вас, слезами оболью, как мы жили, ну ничего, видно, не поделаешь. Не хворайте, пишите про новости, рада буду я весточку получить. А письмо не давайте. С приветом к вам Ксения, не забывайте уж про меня...»

ЕГОРОВНА (промакивает глаза передником): Да рази забудешь... Ты уж зайди ещё к Тимошке... жалко их, дураков. Не жизнь, а одно тока расстройство...

ДМИТРИЙ (помолчав): Н-да... В жизни, как в диком поле, — дорог много, иди куда хошь...

ЕГОРОВНА: Что ты гутаришь?

ДМИТРИЙ (задумчиво): Да так, вспомнил... (Достаёт из портфеля палку колбасы, отрезает половину.) Это вам, Егоровна. Старик, чай, поест в охотку.

ЕГОРОВНА (машет руками): Что ишшо придумал — отделять!.. Сам-то что тут есть будешь?

ДМИТРИЙ: Найдём, не в чужой стороне!

ЕГОРОВНА (идёт к зеркалу, засовывает за него письма): А хочешь, да-к сходи в больницу, к моему-то... Он обрадуетца, он споминал. (Видит что-то в окне, стучит.) Да-к вон он, Тимошка-то! (Стучит в окно, машет рукой.) Зайди! Зайди, гутарю!.. (Дмитрию.) С мастерских, видать. Тольки ты про письмо-то уж не надо...

ДМИТРИЙ: Нет-нет... Да я, может, к нему сразу?

ЕГОРОВНА: Успеется. А вы и у меня посидите... что ж мы, чужие, что ль? И так уж начужались, друг дружку не признаём — хуть в городу, хуть где... (Берёт чайник, с намерением поставить на огонь.) Одичели, передрались — срамота одна перед другими... (Входит Иванов — в замазученной, с короткими для рук его рукавами телогрейке. Он такой же хмурый, медленноватый, лишь морщины в уголках рта затвердели и спокойнее, суше стали глаза.) Стрелись дружки!.. (Иванову.) Не узнаёшь, поди?..

ИВАНОВ (с чуть заметной усмешкой): Отчего ж... Ну, здоров был!

ДМИТРИЙ (здоровается за руку): Здравствуй, Тимофей Василич!

Стоят, смотрят друг на друга.

ИВАНОВ (с тою же усмешкой в голосе): Как голова-то — не болит?..

ДМИТРИЙ (невесело смеётся): Болит, Тимофей Василич... То голова, то душа. А то разом, вместе... Ну, наши болячки скоро не подлечишь, сам знаешь.

ИВАНОВ: Знаю...

ЕГОРОВНА: Ну, садитесь, погутарьте пока, а я свежачку щас.

Уходит с чайником. Иванов и Дмитрий садятся, опять глядят друг на друга. В окна сыплет, барабанит то ли дождь, то ли снежная крупа, мерно тикают ходики. Откуда-то наплывают, еле слышимые, трели цикад.

ДМИТРИЙ (с надеждой): Ну как ты тут?

ИВАНОВ (слегка горбясь, смотрит в окно, слушает дождь; не сразу): Я-то? А что — я... (Оборачивается, смотрит прямо — то ли в лицо Дмитрию, то ли в зал, на зрителей.) Живу.

Занавес